

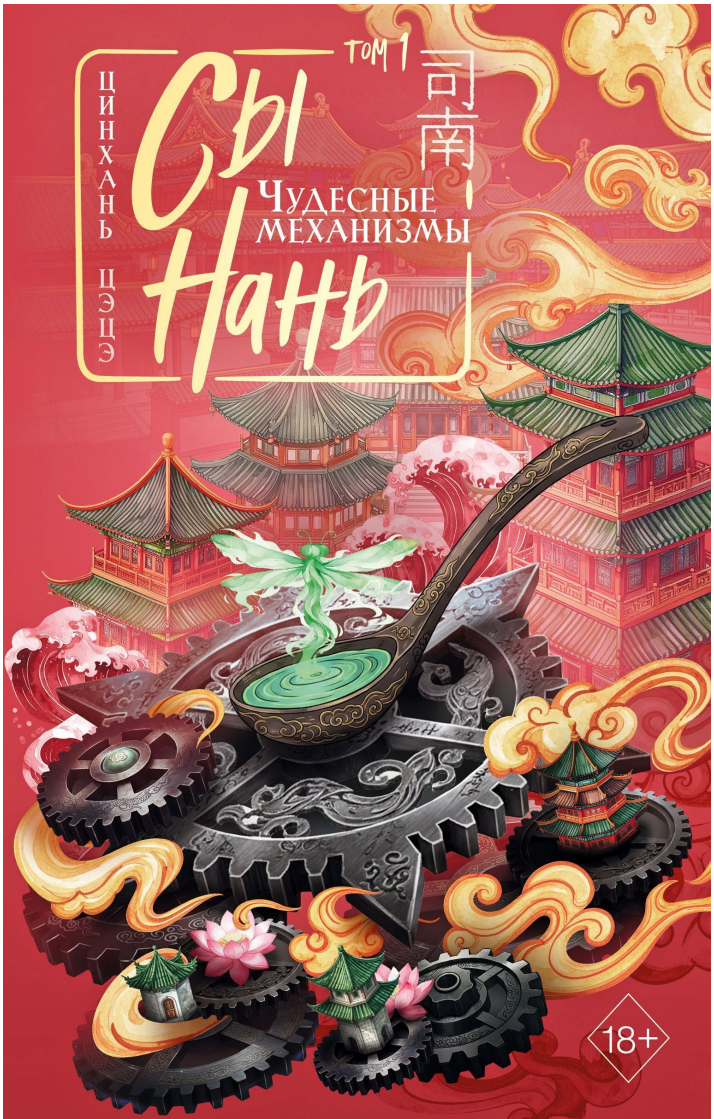
П
И
Н
Х
А
Н
Ь

П
Э
Ц
Э

Сы ЧУДЕСНЫЕ МЕХАНИЗМЫ Нань

Том 1

司
南

18+

Цинхань Цэцэ
Сы Нань. Чудесные
механизмы. Том 1

Серия «Freedom. Сы Нань. Бестселлеры
китайской литературы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73968767

Сы Нань. Чудесные механизмы. Том 1:

ISBN 978-5-04-246983-1

Аннотация

Наследному принцу Чжу Юйхэну вынесли приговор, о котором знает только он: неизвестный яд медленно убивает его, оставляя всего год жизни. Юйхэн скрывает свое отравление и начинает собственное расследование пожара, который за одну ночь уничтожил величайший дворец империи.

В обугленных руинах принц находит механическую стрекозу и понимает – это был не несчастный случай, а тщательно спланированное преступление. Следы приводят его к А-Нань, в волосах которой сияет точная копия найденной стрекозы. Встреча принца с девушкой заканчивается... поражением. И теперь наследный принц империи – слуга на двенадцать месяцев. На все то время, что у него осталось.

А настоящий враг все еще скрывается в тени. И неизвестно чья рука запустила механизм смерти.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Цинхань Цэцэ
Сы Нань
Чудесные механизмы
Том 1

© Янченко П., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Мимо пролетела стрекоза

«Один год.

Триста шестьдесят пять дней.

Четыре тысячи триста восемьдесят больших часов ¹.

Тридцать пять тысяч сорок кэ²».

Первым, что пронеслось у Чжу Юйхэна в голове, когда он услышал придворного лекаря, с трудом выдавившего из себя медицинское заключение, были именно эти цифры.

Чжу Юйхэн убрал свою руку из рук целителя, прощупывавшего ему пульс и, опустив глаза, поправил рукав.

– Вы хотите сказать, что мне остался всего... один год жизни?

Голос у него был равнодушным, а выражение лица невозмутимым, даже слегка остекленелым. Как будто диагноз поставили не ему, а какому-то совершенно чужому человеку.

Главный придворный лекарь Вэй Яньлин ³ поднялся, отступил два шага назад, пал ниц и, дрожа от ужаса и горя, не смел поднять головы.

¹ Большой час – единица измерения времени в Древнем Китае, равная современным двум часам. – *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

² Кэ – единица измерения времени в Китае, равная четверти часа.

³ Имя лекаря «Яньлин» дословно означает «продлевать годы».

– Ваш презренный слуга... не смеет делать опрометчивые заявления. Ваше Величество благородный человек, Небо поможет вам, вы точно... непременно выдержите этот удар.

Из зала дворца, слишком просторного и обставленного чрезмерно торжественно, из-за чего казавшегося бездушным, выгнали всех евнухов и служанок, поэтому в этот момент тут было так тихо, что можно было услышать дыхание другого человека.

Чжу Юйхэн не обратил внимания на слова утешения. Он сидел напротив окна, из-за его спины прорывались режущие глаза лучи солнца. Высветив парящие в воздухе пылинки, они немедленно скрывались в сумраке помещения, откуда им было уже не вернуться.

Прямо как его будущее, устремившееся в неизвестном направлении.

Прошло немало времени, прежде чем Чжу Юйхэн наконец-то прервал молчание. Его тон все еще оставался спокойным, но по учатившемуся дыханию казалось, будто кто-то сдавил ему горло.

– Но ведь есть же способ исцеления?

– Ваш презренный слуга... Ваш презренный слуга заслуживает самой жестокой казни, он бессилён... – глухим голосом произнес Вэй Яньлин, вжавшись лбом в золотые кирпичи пола.

Увидев, что лекарь уже набил себе на лбу красную шишку, Чжу Юйхэн поднялся и, подойдя к Вэй Яньлину, поднял его

с пола:

– Свой организм я лучше вас знаю. По правде говоря, у меня уже давно было нехорошее предчувствие. Что ж, от судьбы не уйдешь, человеку не под силу изменить предначертанный ему путь... Так что вам незачем корить себя, придворный лекарь Вэй. Я позвал вас померить себе пульс, лишь чтобы окончательно убедиться в правдивости своих ощущений. – Чжу Юйхэн потер себя рукой по зашейку.

Там смутно проступала кроваво-красная линия, тянувшаяся через все его тело от голени прямо до горла. Линия повторяла траекторию меридиана Иньвэй, одного из непарных меридианов, начиналась в точке Чжубинь, затем проходила точки Чунмэнь, Дахэн, из Цимэнь перетекала в Тяньту, Ляньцюань ⁴ и затем сдавливала горло Чжу Юйхэна, опоясывая его шею кровавой лентой, из пут которой ему было не выбраться.

Чжу Юйхэн отчетливо помнил, что эта кровавая линия появилась полтора месяца назад.

⁴ Акупунктурные точки: Чжубинь – внутренняя сторона голени, Чунмэнь – место пересечения паховой и бедренной области, Дахэн – чуть выше пупка, Цимэнь – шестое межреберье, Тяньту – на шее в яремной ямке, Ляньцюань – на шее выше кадыка в углублении у верхнего края подъязычной кости. Меридиан Иньвэй отвечает за регулирование потоков ци и крови по груди, животу и в горле.

Восьмой день четвертого лунного месяца.

Самый заурядный день. Было пасмурно, небо было готово вот-вот разразиться дождем, с самого утра было душно и при этом очень влажно.

Чжу Юйхэн по обыкновению прибыл во дворец, чтобы помочь императору – по совместительству его дедушке по отцу – в решении государственных дел.

После того как император Тай-цзу упразднил Великий императорский секретариат, ежедневная обязанность по проверке докладных записок ложилась на плечи правителя, из-за чего ему приходилось работать с утра до ночи не зная отдыха. Хотя позже и был учрежден чин советников дяньгэ-дасюэши⁵, но основную часть работы все так же отнимали докладные записки, атаковавшие императора, словно рои мух, налетевшие со всех сторон. Наследный принц командовал гарнизоном в Нанкине, поэтому обязанность по обсуждению и решению большей части текущих государственных дел в Пекине была возложена на наследного внука импера-

⁵ Дасюэши – досл. «великий ученый муж», гражданский чин советника императора. Дяньгэ – титул, который носили дасюэши.

тора и советников дасюэши. О важных вопросах Чжу Юйхэн был обязан докладывать императору, чтобы тот лично рассудил, как стоит поступить.

На дворе стоял четвертый месяц года Белой Мыши ⁶. Дел, как обычно, было невпроворот. Прошений, актов и писем, присланных из разных министерств, насчитывалось около пятисот. Несмотря на то что опытный Чжу Юйхэн стремительно просматривал все бумаги, к моменту, когда он разобрался со всеми документами, за окнами уже сгустились сумерки.

Погода испортилась, в небе бушевали гром и молнии, с минуты на минуту должен был начаться дождь.

По пути во дворец Вэньхуадянь ⁷ Чжу Юйхэн столкнулся с императором, возвращавшимся со смотра армии. Он выглядел слегка утомленным, но, увидав внука, тут же воодушевился, велел кучеру экипажа остановиться и, подав знак Чжу Юйхэну, произнес:

– Юй, у нас нынче превосходное настроение, составь мне компанию за ужином.

В народе говорят: «Через поколение связь ближе», это справедливо и для императорского дома. Всем было известно, что император мог легко отправить наследника охранять

⁶ Год Белой Мыши – 37-й год 60-летнего цикла китайского традиционного календаря.

⁷ Вэньхуадянь, «Дворец расцвета культуры» – дворец в юго-восточной части Внешнего дворца Запретного города в Пекине, где наследный принц занимался государственными делами.

Нанкин, но своего наследного внука с детства держал при себе, лично занимался его воспитанием. Даже отправившись в Северный поход, император взял внука с собой, не в силах расстаться с ним пускай и на короткое время.

Чжу Юйхэн принял приглашение, на скорую руку отдал несколько распоряжений слугам и, следуя за императорским кортежем, направился к Вратам Фэнтяньмэнь⁸.

Голова процессии только вступила в ворота, как внезапно раздался оглушающий удар грома, а в небе вспыхнула молния. Чжу Юйхэн, оказавшись под сводом Фэнтяньмэнь, вскинул голову и взглянул в небо. Весь величественный, необъятный Запретный город оказался накрыт, точно колпаком, переплетением из множества пурпурных молний, свет от их взрывов озарял весь небосвод, а отдельные лучи, ярко полыхая, прожигали воздух, оставляя в нем режущие глаза следы.

Впереди на трехуровневом фундаменте из камней с вкрапленными самоцветами возвышался дворец Фэнтяньдянь⁹, на фоне пурпурного ночного неба он выглядел особенно торжественно и невозмутимо. Раскинувшийся в ши-

⁸ Фэнтяньмэнь – «Врата почитание Неба», первоначальное название Врат высшей гармонии (Тайхэмэнь), первые внутренние врата Запретного города, за которыми находится главный дворец комплекса – Тайхэдянь «Дворец высшей гармонии», где решались важнейшие государственные дела, а также проводились главные церемонии – коронации и императорские свадьбы.

⁹ Фэнтяньдянь – «Дворец почитания Неба», название «Дворца высшей гармонии» (Тайхэдянь) в эпоху Мин. Главный дворец Запретного города.

рину на целых одиннадцать кайцзяней¹⁰, он напоминал гигантскую императорскую печать, с древних времен непоколебимо изъявлявшую волю правителя.

Старший дворцовый евнух и хранитель печати Цзи Чэнмин, оценив обстановку, немедленно заговорил:

– Ваше Величество, Запретный город был построен по вашему высочайшему приказу, всего здесь насчитывается почти десять тысяч помещений, но ни одно из них не сравнится по надежности с могучим дворцом Фэнтяньдянь. Вот-вот разразится ливень, Ваше Величество, вам следует укрыться в этом дворце, чтобы переждать непогоду.

Император отодвинул шторку повозки и взглянул на широкие красные ступени, ведущие во дворец. Не успел он ничего ответить, как раздался очередной раскат грома, молния вспыхнула с новой силой и следом по Запретному городу прокатилось еще более яростное эхо – это были последствия ударов молнии по дворцам и стенам императорского дворца, под их напором, казалось, вся земля пришла в движение.

– Хорошо, идем во дворец Фэнтяньдянь.

Услышав решение императора, слуги тут же принялись помогать ему выйти из повозки и усесться в паланкин, после чего поспешно понесли его вверх по ступеням из самоцветов.

¹⁰ Кайцзянь – китайская традиционная мера ширины, в разные эпохи ее длина различалась: в эпоху Тан составляла около 5 м, а после эпохи Сун могла достигать 7–8 м.

Три больших дворца ¹¹ были бесподобны и оставляли неизгладимое впечатление. Обычно их открывали только в дни проведения важнейших торжественных церемоний, но сейчас, увидев, что прибыл сам император, дежурный евнух дворца Фэнтяньдянь поспешно отдал приказ открыть ворота и встретить паланкин правителя.

В предыдущий раз дворец Фэнтяньдянь открывали четыре месяца назад, тогда проводилась торжественная церемония в честь завершения строительства Запретного города, и на площади перед дворцом собрались все чиновники, чтобы принести поздравления императору. Однако сейчас дворец долго простоял закрытым, поэтому внутри сохранялся чуть заметный запах пыли.

Чжу Юйхэн провел императора под руку до исполинского Трона Девяти драконов, а сам сел подле. Тут до ушей донесся очередной раскат грохота – даже этот непоколебимый и могучий главный дворец, казалось, пришел в легкое движение.

Евнухи из свиты подали горячий чай, император взял в руки чашку и взглянул за двери дворца, где бушевали гром и молнии. Прямо перед входом в Фэнтяньдянь несколько пучков блестяще-пурпурных молний ожесточенно ударили в позолоченные бронзовые скульптуры черепахи и журавля ¹²,

¹¹ Общее название для трех главных церемониальных дворцов Запретного города: Тайхэдянь, Чжунхэдянь и Баохэдянь.

¹² Скульптуры черепахи и журавля символизируют единство страны и гармо-

высекая из металла ослепляюще яркие искры, разлетевшиеся во все стороны золотым фейерверком.

Цзи Чэнмин шепотом приказал нескольким дрожащим от страха младшим евнухам немедленно закрыть дворцовые двери. Чжу Юйхэн подошел к дверному проему и, остановившись под карнизом, взглянул на облака, заполонившие небосвод. Тут, среди грохотания грома и взвизгов молний, он услышал странный звук. Юноша резко схватился за медленно закрывавшиеся створки, переступил порог дворца и настороженно поднял глаза на крышу.

Каждую из огромных колонн густо опоясывали восемнадцать Золотых драконов, выплавленных из бронзы, вверху колонны прочно поддерживали поперечные перекладины и многослойные подкровельные кронштейны доугун, элегантно, но основательно устремлявшиеся ввысь. Под расписанным карнизом висел большой дворцовый фонарь, сейчас он мотался из стороны в сторону под напорами ветра, казалось, еще чуть-чуть – и он обвалится.

Чжу Юйхэн прищурился и вгляделся вдаль, в ту часть дворца, что находилась за метавшейся тенью фонаря. Из-за выступа крыши проглядывал белый силуэт.

Ни проронив ни слова, юноша выхватил у отдохавшего под карнизом дворцового охранника лук и стрелы, натянул тетиву до упора и при следующем ударе молнии пустил стре-

нию в государстве, а также являются пожеланием долголетия и мудрости правителю.

лу. Она пролетела ровно между запутанными переплетениями конструкции доугуна, направляясь четко в то смутное пятно белого цвета.

«Фщщщ», – свистнула стрела, и пола белой одежды оказалась пригвожденной к верхней части дальней перекладки. Только Чжу Юйхэн собрался приказать кому-то из слуг подойти посмотреть, что это, как в тот же миг раздался разноголосый удар грома, а небо разорвалось новой очередью из частых молний. Слух и зрение юноши были острыми с самого детства, поэтому от такого неожиданного сильного воздействия он внезапно остолбенел. Казалось, какая-то незримая и неуловимая, но при этом безгранично мощная сила, способная сгрести в одну кучу и подбросить кверху все вокруг, всколыхнула его волосы и полы одежды, а затем растворилась в воздухе.

От воздействия этой силы он почувствовал, как снизу вверх по телу побежало странное онемение, слегка щекотавшее кожу. Ощущения были жуткими. Стоя у дверей дворца, Чжу Юйхэн увидел, как завихрились ввысь шелковые полы его одежды, услышал необычный звук, тонкий, как писк комара, как треск льда весной.

То были разноцветные эмали, ярко и сочно украшавшие колонны, а сейчас одна за другой трескавшиеся на множество фрагментов. Казалось, что это та странная сила закручивает мощный вихрь, вгрызается в каждого присутствующего, пытаясь втолкнуть всех в какую-то невидимую смер-

тельную ловушку.

На полмгновения у Чжу Юйхэна перехватило дыхание, но, придя в себя, он отбросил мысли о белом силуэте на перекладине, круто повернулся и бросился в покои дворца. Схватив императора за руку, он взволнованно крикнул:

– Ваше Величество, скорее, уходим!

Отдавший всю юность и зрелые годы военным походам император отреагировал молниеносно. Он стремительно вскочил на ноги и, не поставив чашку на чайный столик, следом за Чжу Юйхэном бросился из дворца. Чашка упала на пол, во все стороны разлетелись осколки и остатки чая. Практически в тот же момент Чжу Юйхэн и император перескочили порог дворца.

Дальше нужно было преодолеть несколько ступеней. Не отпуская руки внука, император кинулся вниз прямо по центральной части лестницы, украшенной резным барельефом в виде летающих в облаках драконов. Неровная бугристая поверхность резных камней вовсе не была предназначена для перемещений, но дед и внук преодолели первый участок за несколько широких шагов. Только когда они уже добрались до второго уровня фундамента, дворцовые евнухи пришли в себя и, толкаясь, бросились прочь из дворца, а затем побежали вниз по лестнице.

Прикрывая собой императора, Чжу Юйхэн проводил его до конца второго уровня фундамента и только затем обернулся назад. В небе над величественным дворцом полыха-

ли громадные пурпурные молнии. Их ослепительные лучи ударили в двенадцать колонн из китайского лавра, вырезанных в виде извивающихся драконов, и в тот же миг дворец, с завершения строительства которого не прошло и полугода, внезапно вспыхнул грандиозным пожаром.

Огонь переметнулся на карниз, откуда сверху вниз смотрели головы Золотых драконов. Казалось, что пламя вырывается из их пастей, а сами драконы пожирают величественные доугуны, громоздкие перекладыны и сверкающую золотистую глазурованную черепицу.

Огонь разгорался все жарче. Не успевшие сбежать с первого уровня фундамента дворцовые евнухи были сбиты с ног внезапно выброшенным языком пламени и, испуская истошные вопли, покатались друг за другом вниз по ступеням, оставляя за собой огненный след.

Чжу Юйхэн не посмел остановиться надолго и ринулся вниз, к третьему уровню фундамента, поддерживая императора под руку. Только добравшись до просторной площади перед дворцом, двое остановились и повернули головы. Фэнтяньдянь был связан галереей с расположенными за ним дворцами Хуагайдянь и Цзиньшэньдянь ¹³. Все три здания

¹³ Хаугайдянь – «Дворец созвездия Расписного Зонта» (созвездие из традиционной китайской астрологии, расположенное недалеко от созвездия Кассиопея, имеет двойственный символический характер – с одной стороны, знаменует мудрость, талант и успех, а с другой – подразумевает одиночество, отрешенность и нелюбимость), название дворца Чжунхэдянь в эпоху Мин. Цзиньшэньдянь – «Дворец строгости к себе», название дворца Баохэдянь в эпоху Мин.

были построены совсем недавно, еще свежий лак ярко блеснул, облизываемый языками пламени, набросившимися со всех сторон. Был слышен лишь резкий визг ветра и огня, в один момент поглотивший все три дворца, пожар разгорелся с такой силой, что его уже невозможно было обуздать.

При следующем ударе молнии охваченные огнем здания с оглушительным грохотом рухнули под возгласы ужаса. Падение вызвало сильную вибрацию, земля под ногами заходила ходуном, как если бы началось землетрясение.

В миг, когда три дворца рухнули, уничтоженные огнем, столпившиеся у их подножия люди непроизвольно отвернулись, укрывая головы от разлетевшихся во все стороны искр и пепла.

На императора было страшно взглянуть. Он неотрывно глядел на охваченные пламенем здания, на виске вздулась жила. Правитель был охвачен страшным гневом и огромным горем, утешить которое не было никакой возможности. Величественный дворец Фэнтяньдянь, на строительство которого он положил пятнадцать лет своей жизни, сооруженный из исполинских китайских лавров, шириной в 30 чжанов¹⁴ и длиной в 15, не просуществовал и полугода, как был превращен Чжужуном¹⁵ в прах.

Плоды рук человеческих хрупки и недолговечны. По сравнению с волей Неба, они совершенно ничтожны.

¹⁴ Чжан – китайская традиционная мера длины, равная примерно 3,33 метра.

¹⁵ Чжужун – божество огня.

Сын Неба не мог подвергать себя опасности, Чжу Юйхэн уговорил императора вернуться во дворец, а уже оттуда отдать распоряжения по тушению пожара. Телохранители и евнухи спешно притащили из бокового зала бочки и тазы и тут же принялись вычерпывать ими воду из реки Цзиньшуйхэ¹⁶, туша пламя. К этому времени из Внутреннего дворца¹⁷ протянули насос, чтобы борьба с огнем пошла более эффективно.

Однако как могли несколько бочек потушить такой мощный пожар, охвативший огромный дворец? Чжу Юйхэн, взяв с собой небольшой отряд слуг, взобрался на фундамент дворца и с трудом приблизился к клокотавшему бешеному пламени. Добравшись до ограды, юноша тут же ощутил давление раскаленного воздуха. Поднесли насос, и из него вырвалась мощная струя воды, но не успела она коснуться пла-

¹⁶ Цзиньшуйхэ – «Река золотой воды», протекает через Запретный город в Пекине.

¹⁷ Внутренний дворец – северная часть Запретного города, личные покои императора, его жен и детей.

мени, как с шипящим звуком клубами белого пара взмыла в небо, словно скоп тысяч фантастических белых змей, извивающихся в диком танце. Горячий водяной пар поднял в воздух гору золы и пепла, расплевывая их во все стороны.

До слуха Чжу Юйхэна долетела новая волна возгласов ужаса – еле державшийся угол стены оказался прожжен огнем насквозь и под напором струи воды обвалился в сторону юноши. Слуги кинулись врассыпную, Чжу Юйхэн тоже непроизвольно отскочил назад на несколько шагов, уворачиваясь от искр.

Рядом с ним лизнул воздух раскаленный язык пламени и в этот миг юноша заметил, как из огня выпорхнул сверкающий луч.

Чжу Юйхэна от пламени отделяло расстояние вытянутой руки, он среагировал молниеносно – раз! – и та сверкающая штучка оказалась зажатой между пальцами.

Это была стрекоза, нежная, как лоскуток шелка или атласа.

Насекомое по длине было не больше мизинца юноши, его туловище было сделано из черно-синего сатина, а четыре крылышка, торчавших по бокам, были скручены из тончайшей медной проволоки. В сокрушительном пламени пожара нежные крылышки пострадали, искры прожгли в них дырки, но они все равно без остановки трепетали, как если бы чудом выжившая стрекоза собиралась на них улететь.

«Эта вещьца похожа на женское украшение.»

Но здесь находится главный зал Внешнего дворца императора, место, где сосредоточены вся власть и могущество Поднебесной. К тому же Фэнтяньдянь был закрыт с первого дня нового лунного года, откуда тогда взялась эта штука?»

Не успел Чжу Юйхэн придумать логичное объяснение, как в ушах раздался громopodobный звук удара – на этот раз это был не звук обрушения здания, а резкий шум в голове, такой сильный, будто рухнул весь мир.

Сердце юноши внезапно затрепетало, все тело затряслось в жутких конвульсиях.

В тот же миг голень пронзила острая боль, как будто внутри что-то взорвалось, затем она устремилась вверх через живот, левое ребро, сердце, горло, как если бы раскаленный кусок металла стремительно пролетел сквозь него. Нестерпимая боль охватила все тело с ног до горла, даже вдохнуть не было никакой возможности.

Пламя продолжало полыхать над дворцом, сопровождаемое нескончаемыми криками ужаса и скорби. В этом урагане хаоса Чжу Юйхэн, превозмогая себя, запихнул вылетевшую из огня стрекозу в рукав, а затем использовал всю силу воли, чтобы прекратить судороги, сковавшие половину тела, и как было возможно аккуратно повалился на перила, а затем медленно сполз на землю, опершись спиной в ограждение.

В царившем переполохе внимание всех присутствующих было обращено на обрушившийся, но еще продолжавший

гореть дворец. Никто не заметил, как Его Высочество наследный внук императора, мучаясь от болезненных судорог, скрылся за перилами ограды.

Окруженный грохотом грома и разрывающихся молний, погруженный в жар полыхающего повсюду пламени, Чжу Юйхэн с трудом задрал ногу и закатал штанину. Вспышка молнии озарила его всего, и юноша увидел на голени бордовый кровоподтек, расположившийся четко на точке Чжубинь. Из кровоподтека вверх по ноге выбегала пурпурно-черная линия, хищнически распространяясь по сосудам под кожей.

Вместе с ней по сосудам бежала и острая боль, как будто в его тело попало какое-то непонятное семя, а теперь кровожадно пускало корни в его сосудах. Никто и ничто не могло остановить этого жуткого паразита.

Яркие и пленительные тени первых летних цветов безмолвно колыхались на ветру за окнами. В помещениях Внутреннего дворца было так тихо, что, упав бы на пол иголка, звон удара показался бы подобным раскату грома.

Жуткое воспоминание о начале болезни и ее отпечаток все еще оставались в теле Чжу Юйхэна. Ноющая боль, растекавшаяся по сосудам, и периодически возникавшие судороги тоже никуда не исчезли.

– Ваше Высочество... – главный придворный лекарь Вэй Яньлин, заливаясь слезами, стоял перед Чжу Юйхэном с распухшим до красноты лбом и выражением безутешной скорби на лице.

Дрожа всем телом, он опустился на колени перед наследным внуком императора и один за другим отдавая земные поклоны затараторил:

– Презренный слуга верит... В Императорском ведомстве медицины собраны самые талантливые лекари, а Поднебесная полна светил врачебного дела. Вам нужно лишь организовать тщательные поиски, Небо не оставит ваши усилия незамеченными! Поднебесная полна талантливыми людьми, обязательно найдется тот, кто сумеет спасти Ваше Высочество...

– Нет, я приказываю вам держать рот на замке и никому не говорить о моей болезни. – Чжу Юйхэн не спеша глубоко вдохнул, а затем, пристально смотря Вэй Яньлину прямо в глаза, произнес, подчеркивая каждое слово. – Думаю, вы и сами прекрасно знаете, каковы будут последствия, если выболтаете хоть толику информации.

Вэй Яньлин оцепенел и тупо уставился снизу вверх на Чжу Юйхэна. Лицо того слегка побледнело, но из-за этого

юноша казался похожим на статуи из юньнаньского мрамора, выглядел таким же крепким и самобытным.

– Я уже получил заключение от придворных лекарей из Шуньтяньфу¹⁸. Прочих толкований мне не требуется.

В ту ночь, когда три больших дворца были сожжены дотла разрядом молний, Чжу Юйхэн впал в забытие. Лишь придя в себя, он узнал, что потерял сознание после того, как упал у ограды дворца, и был спасен только благодаря трудам придворных лекарей, целые сутки делавших ему акупунктурные иглоукалывания.

Главного придворного лекаря Вэй Яньлина тогда не было во дворце – по высочайшему указу императора он был отправлен к старому сановнику в отставке, чтобы осмотреть того и назначить лечение. Ввиду этого император приказал всем придворным лекарям собраться на консилиум в Восточном дворце¹⁹. Помощники главного придворного лекаря коллективно выдали следующее заключение по причине болезни: «Его Высочество наследный внук императора несколько месяцев подряд упорно трудился на благо государства, отчего пришел в крайнее изнеможение; к этому добавилось учащенное сердцебиение, вызванное внезапным пожаром от молнии, что в совокупности повредило меридиан Иньвэй и привело к временному помутнению рассудка».

¹⁸ Шуньтяньфу – название администрации Пекина в эпоху Мин.

¹⁹ В Древнем Китае наследник престола и его семья проживали в Восточном дворце.

– Меридиан Иньвэй отвечает за угнетенное состояние и проникает в сердечный меридиан, в народе с его помощью лечат падучую болезнь. Его Высочество внезапно столкнулся с резкой сменой обстановки, из-за чего его меридиан Иньвэй пострадал, а сам Его Высочество упал в обморок, а его рассудок впал в забытие. Достаточно просто много отдохнуть, и болезнь отступит.

Учитывая обстоятельства, при которых было нарушено течение ци по меридиану Иньвэй Чжу Юйхэна, подобное объяснение казалось вполне резонным и правдоподобным. Император переживал о здоровье внука, а потому освободил его от повседневной работы и отправил в дворцовые сады, расположенные у подножия горы Ваньсуйшань ²⁰, для лечения и восстановления. Кроме того, император срочно вызвал Вэй Яньлина обратно в столицу, чтобы тот лично занялся лечением Чжу Юйхэна.

Только вот он явно не ожидал, что заключение главного придворного лекаря будет таким.

– Я заболел из-за испуга, Его Величество император считает так же. Других объяснений нет, – отчетливо проговаривая каждое слово, Чжу Юйхэн продолжал пристально смотреть на Вэй Яньлина. – Главный придворный лекарь Вэй, вы согласны?

Вэй Яньлин на мгновение взглянул внуку императора в

²⁰ Ваньсуйшань – название горы Цзиншань, расположенной к северу от Запретного города в Пекине.

глаза, затем опустился на колени и, низко поклонившись, ответил:

– Все верно. Ваше Высочество, не беспокойтесь, ваш покорный слуга ни за что не проговорится и на полслова.

Чжу Юйхэн дождался, пока Вэй Яньлин покинул покои, и он остался совершенно один. В тот же миг маска, которую он вынудил себя нацепить в разговоре с лекарем, исчезла.

Мысли смешались в кучу, юноша протянул руку и открыл ящик стола, достав оттуда ту самую стрекозу. Крылышки шелково-атласной стрекозы, облизанной языками пламени, были прожжены и свернуты, но тонкая медная проволока в их основе прочно держалась на месте.

Чжу Юйхэн положил стрекозу на ладонь. Если бы не поврежденные крылья, она была бы точь-в-точь настоящая черно-синяя стрекоза «синее коромысло». Когда дыхание юноши становилось чуть тяжелее, четыре потрепанных крылышка начинали слегка колыхаться под потоками воздуха, словно насекомое пыталось взлететь.

Чжу Юйхэн уже проверил дворцовые записи – такого

украшения в описи не было. Дворцовые умельцы-мастера тоже никогда не производили такую миниатюрную и при этом достоверную копию стрекозы.

«Откуда она взялась? Зачем она появилась в охваченном огнем Фэнтяньдяне?»

«Кто ее хозяин? Кто сумел создать такую искусную вещь-цу, что она кажется творением нечистых сил? Почему она вылетела из огня в момент, когда дворец обрушился?»

«Необъяснимая болезнь внезапно завладела его телом ровно в тот момент, когда он схватил эту стрекозу. Это совпадение или прямое последствие?»

Сжимая стрекозу в руке, Чжу Юйхэн бродил по мрачным помещениям Внутреннего дворца. Во время механической ходьбы обе ноги юноши вдруг окоченели, тело словно парализовало, но он не чувствовал ни капли усталости.

Один год.

Если эти слова Вэй Яньлина – правда, возможно, сейчас он проживает свою последнюю жизнь.

Вот пройдет этот большой час – и жизнь станет на него короче. Солнце сядет за горами – и жизнь сократится на сутки. А пройдет этот год – и его разум навечно погрузится во мрак, а тело будет предано земле.

Но ведь он еще столько всего хотел сделать! Мысли об этом нахлынули на него со всех сторон, как волны в бушующем море, намеревающемся потопить его.

Чжу Юйхэн не заметил, сколько времени провел в беспо-

рядочных думах, пока колющая боль в ладони не вырвала его из водоворота размышлений. Опустив голову, он взглянул на руку.

Стрекоза в ладони была раздавлена. Проволока, из которой были сделаны тонкие кисейные крылышки, надломилась и проткнула его кожу, между пальцами просочилась крошечная бусинка крови. От вида этой кровавой капли Чжу Юйхэн внезапно потерял над собой контроль, как если бы вдруг вспыхнувшая искра вмиг спалила его рассудок. Юноша пришел в ярость, схватил уколывшую его в палец стрекозу и за секунду разорвал ее в клочья.

Оказалось, что две пары тонких крылышек были не просто прикреплены на туловище стрекозы из черно-синего сатина, внутри насекомого находился мастерски сделанный крошечный механизм. Несколько десятков миниатюрных элементов были соединены между собой и сообщались с крылышками снаружи туловища. Теперь стрекоза была раздавлена, и ее крошечные металлические внутренности, скреплявшие корпус изнутри, рассыпались по полу, издавая легкий звон, гулко отдававшийся в мертвенно тихих дворцовых помещениях.

Голова стрекозы, украшенная двумя крохотными лазуритами, оторвалась от тела и безжизненно свисала вниз, совершенно изломанная.

Чжу Юйхэн поднял стрекозу вровень с глазами и в выпотрошенном туловище увидел небольшой сверточек бумаги,

спрятанный в мешочек из черного атласа.

Тулловище стрекозы по толщине не больше половины мизинца, откуда внутри взялся такой искусный механизм?

Чжу Юйхэн замер на мгновение, потрясенный открытием, а затем миллиметр за миллиметром вытащил из насекомого крошечный бумажный сверточек. Листок был чрезвычайно тонким и порван в середине механизмом – видимо, это случилось во время вспышки гнева юноши – часть бумаги была утрачена.

Чжу Юйхэн очень-очень медленно раскрутил сверток и аккуратно развернул его.

«Южнее южных земель, где небо залито блеском звезд».

На листке было написано всего восемь иероглифов, но как поэтично и изящно они были подобраны. Написавший их, очевидно, учился каллиграфии по работам Ван Юцзюня²¹ и в полной мере овладел сутью стиля мастера. Хотя почерк был мелким, но структура иероглифов была уравновешенной, четкой и при этом достаточно воздушной и легкой, так что казалось – посмотри сквозь них и увидишь бескрайнее сверкающее звездное небо.

«Как жаль, что сверточек тоже порвался, и прекрасные иероглифы пострадали».

Чжу Юйхэн потерялся во времени и не заметил, как дол-

²¹ Ван Юцзюнь – придворное имя знаменитого каллиграфа империи Цзинь Ван Сичжи (303–361). Прославился уникальным сочетанием в работах разных стилей каллиграфии, за что получил прозвище «Бог каллиграфии».

го рассматривал надпись, когда до слуха донесся звук шагов. Юноша поднял голову, увидел быстро вошедшего личного евнуха императора Хань Хуа и только тогда частично пришел в себя.

Увидав нездоровый цвет лица наследного внука императора, Хань Ху испугался и поспешно спросил:

– Ваше Высочества, не заболели ли вы?

Чжу Юйхэн ответил не сразу. Опустив голову, он убрал стрекозу и сверточек бумаги в выдвижной ящик стола и только затем спросил:

– Какое у вас ко мне дело?

– По высочайшему указу Его Величества императора прибыл командующий Отряда чудесных механизмов ²² Чжугэ Цзя. Он на улице, ожидает аудиенции.

Чжу Юйхэн хмыкнул в ответ, заставил себя успокоиться и сосредоточиться на делах, а затем залпом осушил пиалу с чаем, стоявшую на столе. После этого он замедлил дыхание, расслабляя горло, а затем приказал Хань Хуу собрать разбросанные по полу детали, не пропустив ни одну.

Командующий Отряда чудесных механизмов Чжугэ Цзя стоял перед приемным залом, ожидая прибытия наследного внука императора. Хотя его худощавая фигура и была облачена в строгое официальное одеяние чиновника, это не могло скрыть его природной грациозности. Ему не было еще и

²² Отряд чудесных механизмов – часть столичного гарнизона при династии Мин, вооруженная огнестрельным оружием.

тридцати, а в прекрасном лице читалось что-то женское, поэтому роль командующего давалась ему с большим трудом.

Согласно правилам, в Отряде чудесных механизмов должно быть два командующих: один – приближенный евнух императора, определенный на должность лично самим правителем, а второй – военный, назначенный императорским двором. При первом взгляде на миловидное лицо Чжугэ Цзя большинство людей думали, что он был поставлен на это место императором за красивые глазки, но на самом деле он заслужил эту должность блестящими боевыми заслугами (другими словами – большим числом отрубленных голов противника), за что и был поддержан императорским двором.

Сослуживцы долгое время считали Чжугэ Цзя евнухом, это глубоко ранило его, и теперь, проводя тренировки сержантов-чжунши, он проявлял необыкновенную жестокость. Весь Отряд чудесных механизмов, от высших чинов до низших, не переставая жаловался на свою горькую участь, но никто не смел открыто проявить непокорность.

Чжу Юйхэн вместе с Чжугэ Цзя сопровождал императора в Северный поход, поэтому был близко знаком с командующим. Поприветствовав друг друга без особых церемоний, молодые люди уселись на деревянные стулья с подлокотниками.

Чжугэ Цзя поднял голову и взгляделся в лицо Чжу Юйхэна. В рассветных лучах оно сияло благородством, как и всегда было окружено ореолом почти божественного изя-

щества, но сейчас было угрюмым, подернутым бледностью. Чжугэ Цзя вспомнил, что пару дней назад Его Высочество лишился чувств из-за болезни и, по всей видимости, еще не до конца оправился, поэтому командующий сразу перешел к делу.

– Получив высочайший указ Его Величества императора, ваш покорный слуга провел расследование причин пожара трех больших дворцов, на сегодня в деле есть продвижение. Ваш слуга уже доложил о них императору, и Его Величество сказали, что дело переходит под полный контроль Вашего Высочества. Ввиду этого я явился к вам с докладом.

Когда три больших дворца рухнули, уничтоженные пламенем, Чжу Юйхэн был там и все видел своими глазами, знал все мельчайшие детали случившегося. Поэтому император сразу сказал ему, что когда состояние здоровья улучшится, ему будет нужно приступить к скрупулезному расследованию этого происшествия.

– Ты возглавлял расследование? – спросил Чжу Юйхэн. – А чем занимались Министерство общественных работ, Министерство наказаний и евнухи внутренних покоев?

– Высочайшим указом императора руководство было передано Министерству общественных работ, а само расследование выполнял наш отряд и работники оружейной мастерской Вангун²³. Это было сделано исключительно потому, что

²³ Оружейная мастерская Вангун – оружейная мастерская, основанная под началом Министерства общественных работ династии Мин в 1420 г., занимавшая

при разборе завалов пожара были обнаружены останки, похожие на сгоревший серный порох, а во всей столице с порохом работают только наши два подразделения. Посему нас и позвали на помощь в расследовании, – пояснил Чжугэ Цзя. – Однако наш отряд вместе с оружейниками из мастерской Вангун несколько раз обыскивал руины, и, судя по объему найденного пороха – всего два-три лян²⁴ – он не мог стать причиной пожара. Просто прислуга перепугалась и в панике приняла следы от удара молнии за повреждения от пороха.

Чжу Юйхэн был полностью согласен. Причина пожара хоть и оставалась неясной, но явно никак не была связана со взрывом пороха.

– Последние несколько дней я восстанавливался от болезни и вспоминал подробности начала пожара. По моему мнению, возгорание было крайне странным.

Мысли о том дне не отпускали Чжу Юйхэна ни на секунду, снова и снова прокручиваясь у него в голове. Заговорив об этом вновь, он почувствовал, как в душе заклокотали волны беспокойства, но он сумел сказать все без спешки и даже практически равнодушно, как будто это происшествие не вызывало у него никаких эмоций.

– По идее, когда молния бьет по крыше, она первым делом попадает в наивысшую точку, и пожар начинается отту-

яся производством пороха и огнестрельного оружия.

²⁴ Лян – мера веса в Древнем Китае, равная 1/16 части цзиня (0,5 кг) или 31,25 г. Соответственно, на месте пожара было найдено ок. 60–90 г пороха.

да. Однако я отчетливо увидел, как пламя практически одновременно разгорелось на вершинах двенадцати колонн.

Сказав это, Чжу Юйхэн на мгновение замер. Перед глазами снова ясно встала картина: двенадцать Золотых драконов на вершинах колонн дворца Фэнтяньдянь одновременно извергают из пастей пламя. Сцена была слишком невероятной и устрашающей, снова воссоздав ее в голове, юноша почувствовал, что будто все еще находится там, так глубоко было его потрясение.

– Но... – оторопел Чжугэ Цзя. – Неужели Ваше Высочество имеет в виду, что три больших дворца вовсе не были сожжены молнией, а что в них самих был некий изъян, из-за которого случился пожар, приведший к их гибели?

– Во всяком случае, я считаю странным, что такой огромный пожар был вызван всего одним ударом молнии по дворцу Фэнтяньдянь. Такое просто невозможно в природе. – Говоря это, Чжу Юйхэн поставил чайную чашку на стол и поднял взор на Чжугэ Цзя. – А где Цзи Чэнмин? Он старший дворцовый евнух и хранитель императорской печати, он же проводил надзор за возведением трех больших дворцов. Прикажи ему явиться ко мне с чертежами.

– Ваше Высочество пока не в курсе, Цзи Чэнмин никак не сможет прийти, – вздохнул Чжугэ Цзя. – В пожаре погибло двадцать три человека, один из них – евнух Цзи.

Чжу Юйхэн действительно совершенно не ожидал такого поворота событий.

– Цзи Чэнмин долгие годы возглавлял Внутренний дворец, во время переноса столицы ²⁵ я много общался с ним, какой способный человек был! – горестно вздохнул он. – Его гибель в огне пожара – огромная потеря для двора.

– Вдобавок гибель евнуха Цзи... вызывает много вопросов. – Чжугэ Цзя сделал жест рукой, но в итоге отбросил эту идею и, покачав головой, продолжил: – Его тело было найдено в очень необычной позе. Ваш покорный слуга никак не смог придумать, как описать ее Вашему Высочеству. Вам лучше своими глазами все увидеть на месте, возможно, это как-то прольет свет на происшествие.

Чжу Юйхэн задумался ненадолго, а затем поднялся:

– В таком случае обожди, пока я переменю одежды, и пойдем к трем большим дворцам.

– Тогда я немедленно отправлюсь на место, прикажу, чтобы там прибрались и все подготовили к приходу Вашего Высочества, – засуетился Чжугэ Цзя.

Хань Ху прислуживал Чжу Юйхэну с детства, а потому знал, что тому не нравится, когда другие касаются его тела. Поэтому, когда служанки принесли новый комплект одежды, он приказал им покинуть покои и сам немедленно вышел, закрыв за собой двери.

Оставшись совершенно один в дворцовых покоях, Чжу Юйхэн развязал темно-красный халат с вышитым на

²⁵ При династии Мин в 1421 г. столица Китая была перенесена из Нанкина в Пекин.

нем свернувшимся драконом. Из-под легкой летней нижней рубашки белого цвета просвечивала тонкая извивающаяся кровавая линия. Начинаясь на шее, она непрерывно тянулась вниз по телу, прячась под полами одежды.

Чжу Юйхэн резко распахнул нижнюю рубашку и уставился на свое отражение в бронзовом зеркале, рассматривая кроваво-красную линию, пересекавшую его тело. Ладони непроизвольно сжались в кулаки.

Эта линия возникла, когда он был окружен бушующим пламенем, начиналась в точке Чжубинь, проходила через точки Фушэ²⁶, Цимэнь, Тяньту, Ляньцюань, соединяя их одной кроваво-красной нитью, откалывавшей правую половину его тела – жуткое зрелище.

Придворные лекари утверждали, что это след, оставшийся после повреждения системы кровообращения, достаточно просто принимать лекарства, рассеивающие застой крови, и через несколько дней линия сама собой исчезнет. Однако Чжу Юйхэн обнаружил, что этот странный темно-красный отпечаток день ото дня становился только отчетливей, и теперь был похож на яркий и пугающий язык гадюки.

Один год.

После того как Вэй Яньлин озвучил диагноз, все дурные предчувствия, которые испытывал Чжу Юйхэн, сбылись в наихудшем варианте, определяя его будущее. Первое свети-

²⁶ Фушэ – акупунктурная точка, расположенная в месте соединения бедренной и тазовой костей.

ло медицины Поднебесной, прослуживший императору долгие годы, Вэй Яньлин прекрасно понимал, как нужно себя вести, чтобы выжить при дворе. Однако раз он, точно зная, что это дело нешуточное, все-таки решился сообщить наследному внуку императора правду, то это может говорить лишь об одном – его болезнь лишь временно перешла в стадию инкубации, через некоторое время симптомы обязательно проявятся.

Вэй Яньлин совершенно отчетливо увидел, какие муки предстоят Чжу Юйхэну в течение этого года, но также переживал, что император будет продолжать давить на него, может, даже издаст специальный указ, требуя излечить внука. Только поэтому при первом же случае проявления симптомов он поспешил признаться в собственной беспомощности.

Чжу Юйхэн уставился на спутанную кровавую нить, взгляд его глаз был холодным, как лезвие ножа. Но в итоге он просто схватил рукой подготовленные атласные одежды и накинул их себе на плечи, маскируя смертельный шрам, затаившийся на теле.

Юноша облачился в длинный черный халат с меховыми вставками и узкими рукавами, удобными при стрельбе из лука, плотно затянул кожаный пояс, инкрустированный бордовыми кораллами. Он подтянул ворот церемониального одеяния немного вверх, чтобы тот обхватил заднюю поверхность шеи, и дополнительно прикрыл то место украшением из коралла. Вместе с легким щелчком запонки на вороте все следы болезни на теле оказались скрыты под тканью, украшенной узорами из серебристо-серых благовещих облаков.

Чжу Юйхэн снова внимательно посмотрел на себя в зеркале, замерев на мгновение. Атласный пояс с нефритовыми подвесками стягивал талию, подчеркивая фигуру, облаченную в черное церемониальное одеяние, а плотно вышитые облака ненавязчиво намекали на роскошь и благородство. Телосложением он был высокий и стройный, но при этом несколько не слабый, лишь выражение лица было слегка изможденным, а в остальном он по-прежнему был воодушевленным и полным энтузиазма юношей, имевшим право стоять неподалеку от императора во время официальных аудиенций.

Кто поверит, что ему на этом свете осталось жить совсем недолго?

Пусть даже это сказал лучший врач Поднебесной, но где гарантия, что он не ошибся с диагнозом?

Словно желая отбросить свое собственное отражение в зеркале, Чжу Юйхэн с силой взмахнул рукавами, круто раз-

вернулся и широким шагом вышел из прохладных покоев Внутреннего дворца, решительно вступая в полосу яркого дневного света.

Телохранители-лунсяны ²⁷ уже ожидали за дверьми и одновременно поприветствовали его. В ответ Чжу Юйхэн слегка кивнул головой, сбежал по ступенькам вниз, вскочил в седло и, раз за разом рассекая кнутом воздух, погнал коня вперед.

Вот-вот должно было наступить лето, погода была изумительной, а потому конь скакал особо быстро. Теплый ветер скользнул по щекам Чжу Юйхэна, и печальные тучи, скрывавшиеся в его душе, вдруг резко всплыли из глубин сознания, заполняя собой все вокруг. Вместе с ними поднялись на поверхность и кое-какие угрюмые и тяжелые мысли. Как будто растаяли зимние снега, обнажив обширные заброшенные земли: вокруг лишь студёный мороз, непроглядный мрак и невозможность вернуть все, как прежде.

Чжу Юйхэн словно наконец очнулся, по телу внезапно пробежал мертвецкий холод.

«Один год».

Если ему правда остался только этот короткий отрезок времени, тогда даже верхом на самой быстрой лошади, будь он даже самим Куафу ²⁸, ему все равно никак не догнать

²⁷ Лунсян – титул военачальника в Китае, использовавшийся в III–V вв.

²⁸ Куафу – персонаж из китайской мифологии, великан, решивший догнать солнце, но так и не сумевший это сделать – в пути великан погиб от жажды.

солнце, не изменить своей судьбы.

Прошел день – и отведенный ему срок сократился на день.

Пройдет год – и настанет конец всему.

Ледящий холод, зародившийся в его сердце, просочился наружу, потек по кровеносным сосудам, сантиметр за сантиметром распространяясь по всему телу. В конце концов холод сковал юношу с головы до ног, все туловище окоченело, он даже кончиками пальцев был не в силах пошевелить.

Чжу Юйхэн несясь вперед во весь опор, как если бы хотел обогнать время и оказаться в будущем. Его конь был превосходителен – без труда оставил далеко позади всех сопровождавших.

Гора Ваньсуйшань находилась сразу за северными стенами Запретного города, но Чжу Юйхэн решил поехать окольной дорогой и двинулся вдоль защитного рва. Все-таки незачем было лишний раз проезжать сквозь дворец царских жен.

Свернув за первую угловую башню, он увидел толпы столичных горожан: вдоль рва раскинулась ярмарка, люди покупали и продавали, торговались, спорили – сплошной шум и гам. Его взору открылась роскошная оживленная картина: красные стены и золотая черепица строений Запретного города, гул толпы, снующей на их фоне. Юноша будто окончательно пробудился. Он придержал коня и остановился у берега рва, дожидаясь сопровождавших.

Столичная знать и чиновничество прекрасно проводили этот теплый день, а для Чжу Юйхэна он стал началом конца.

Юноша поднял ладони и накрыл ими глаза, сдерживая блесившие на солнце потоки, хлынувшие из глаз, отгораживаясь от прекрасного расцветающего мира.

Взбираясь все выше по небосводу, солнце излучало все больше жара, невооруженным глазом было видно, как сжимаются и укорачиваются тени под деревьями. В этот момент юноша всем своим существом прочувствовал: оставшиеся ему триста шестьдесят дней жизни очень скоро сократятся на сутки. А он стоит в самой середине этого стремительно несущегося потока времени, и ему совершенно некого попросить о помощи, никто не спасет его, ему даже не с кем поделиться этой тайной.

Времени на скорбь и слабость у Чжу Юйхэна тоже было совсем немного – как только свита нагнала его, наследный внук императора уже больше не мог позволить себе выказать на лице хоть толику отчаяния или внутренней борьбы.

Чжу Юйхэн убрал ладонь с глаз, глубоко вздохнул и взглянул на мир, раскинувшийся перед ним. В этот момент, как будто это было уготовано судьбой, он увидел девушку, сидевшую на корточках у рва, она была занята тем, что выбирала свежую рыбу в деревянной кадке.

Прическу девушки украшала та самая стрекоза из шелка и атласа.

В этот момент свет солнца был особенно пленителен, его лучи, отражаясь от воды, озарили всю фигуру незнакомки, как если бы ее тело было покрыто слоем позолоты. Все это

было похоже на фантазию, химеру, созданную переливами солнечного света. Центром этого фантастического мира, местом концентрации всех выдумок была черно-синяя стрекоза, которая, казалось, готовилась вспорхнуть и улететь прочь от локонов девушки.

Шелково-атласное туловище, четыре прозрачных крылышка из тонкой газовой ткани. Мимо пролетел летний ветерок, слегка коснулся щек незнакомки, а крылышки стрекозы продолжали неустанно трепетать, словно насекомое было маленьким веером.

Эта стрекоза была как две капли воды похожа на ту, что вылетела из огня, охватившего три больших дворца.

Чжу Юйхэн продолжал совершенно неподвижно сидеть верхом, неотрывно глядя на силуэт той девушки. На ладонях юноши, сжимавших уздечку, проступила холодная испарина.

Та стрекоза, заставшая его врасплох своим неожиданным появлением, теперь эта девушка со стрекозой в волосах, внезапно вступившая в его жизнь, – это все заставило Чжу Юйхэна вспомнить, как он впервые отправился с дедом в военный поход, как несся вскачь по степи, как отрубил голову первому противнику, вставшему у него на пути.

Лезвие меча не издало ни звука, юноше лишь почудилось, что рука слегка помедлила, точно в нерешительности, но клинок уже вышел с другой стороны шеи воина армии врага. Брызнула теплая свежая кровь, и человек, которого он рань-

ше и в лицо никогда не видел, навсегда покинул этот мир.

В один момент было решено, кто будет жить, а кому достанется смерть, исход сражения был предрешен.

Как коварна судьба, как ужасна нависнувшая над головой смерть – и вдруг, совершенно неожиданно, он увидел слабый проблеск надежды. Ожидание, пугающее и полное неизвестности.

Будто не в силах больше выносить такую колоссальную тревогу, Чжу Юйхэн задержал на миг дыхание, а затем опустил взгляд с волос девушки на ее руки. Их вовсе нельзя было назвать красивыми: пальцы хоть и были длинными, но слишком уж грубыми для женщины. Кроме того, на них было множество застарелых шрамов – большие и маленькие, они крест-накрест пересекали всю тыльную сторону ладоней.

Девушка сидела на корточках перед лотком рыбака, руками вылавливая рыб из деревянной бадьи. В такой ситуации прочие люди обычно хватали рыб за туловище, но незнакомка, присмотрев тучную рыбку, вцепилась правой рукой ей в голову, вонзила большой палец под жабры, а остальными четырьмя пальцами зажала пасть и голову рыбы, после чего с легкостью вытащила добычу из воды. Прием был жестоким, но безотказным.

Рыба попробовала продолжить биться, но ее жабры были зажаты, силы быстро покинули ее, и, дернувшись пару раз, она беспомощно обвисла, сразу как-то обмякнув. Подняв добычу, девушка обратилась к рыбаку:

– Вот эту, нанижите на веревку.

Девушка говорила с цзяннаньским ²⁹ акцентом, голос не был ни звонким, ни мелодичным, а напротив слегка сипел и дрожал, совершенно не похожий на вкрадчивые и нежные голоса дворцовых прислужниц.

Волосы незнакомки были собраны в простой низкий пучок, заколотый той самой стрекозой, слабо мерцавшей в лучах солнца. Одета девушка была в желтое платье из шелка Юэ ³⁰ с узкими рукавами, а кожа ее вовсе не отличалась белоснежностью – освещенная солнцем, она сияла точно золотистый мед, прозрачный и текучий. На правой руке незнакомки был черный браслет два цуня ³¹ шириной, плотно расшитый узорами, украшенный разноцветными драгоценными камнями, жемчужинами, агатами и лазуритами – слепящая глаза мешанина.

Рыбак взял две рисовые соломины, продел их сквозь жабры рыбы и протянул по покупке девушке. Та взяла ее со словами:

– Дядюшка, ну куда годится так связывать рыбу? Я же ее до дома даже донести не успею, как она помрет – несвежая рыба будет.

Говоря это, покупательница взяла еще парочку соломинок, одной рукой быстро смотала их в жгут, затем ловко раз-

²⁹ Цзяннань – регион Китая к югу от реки Янцзы.

³⁰ Юэ – традиционное китайское название для Вьетнама.

³¹ Цунь – традиционная мера длины, равная приблизительно 3,33 см.

ломила пасть рыбы, просунула жгут через ее жабры и обмотала дважды вокруг хвоста, намертво завязав узел. Рыбы оказалась полностью перевязана в виде полукруга, изогнутая, с вывернутыми жабрами – без слез не взглянешь.

– Вот так! Кстати, дядюшка, впредь можешь не таскать бадью на рынок. Как наловишь рыбы, вот так перевяжи их, сложи в трюме лодки и периодически поливай водой – гарантирую, рыбы проживут еще сутки, а то и двое.

– Девушка, рыбы без воды гибнут, ты уверена, что твой способ сработает? – рыбак не особо поверил.

– Рыбы как люди, выживут, только если смогут дышать. Так перевязав рыбу, мы насильно раскрываем ей жабры, так что даже не в воде они будут работать. Дядюшка, доверься мне и попробуй в следующий раз, – хихикнув, ответила покупательница.

Девушка слегка склонила голову набок, потянувшись щекой к плечу – словно хотела изобразить позу рыбы, которую держала в руке.

Чжу Юйхэн затрясся от ужаса, резко отвернул голову, чтобы избежать взгляда девушки, а затем повернул коня, так и не рассмотрев как следует внешность незнакомки. Позади его уже ожидала подоспевшая свита.

Чжу Юйхэн опустил веки, не давая эмоциям просочиться наружу через глаза, и, подгоняя коня, понесся на юго-восток. За спиной на небольшом расстоянии скакали с десятков телохранителей-лусянов, мчавшиеся во весь опор по середине

улицы.

Та девушка вместе с прочими горожанами отскочила с дороги, встав на обочине улице. Дождавшись, когда процессия уедет достаточно далеко, она надула губы, похлопала по одежде, сбивая с нее пыль от конских копыт, а затем принялась без какой-то видимой цели расхаживать по вновь ожившемуся рынку со связанной рыбой в руке.

Повернув в сторону дворца Фэнтяньдянь, Чжу Юйхэн натянул поводья и оглянулся назад, ища глазами ту девушку. В этот момент младший командующий гвардией Восточного дворца Вэй Ханчжи, сопровождавший наследного внука императора, услышал, как тот тихо позвал его по имени. Он тут же развернул своего коня и приблизился к Чжу Юйхэну, ожидая распоряжений.

Тот пристально следил взглядом за силуэтом, то появлявшимся, то исчезающим в океане людей. Ненадолго замерев, Чжу Юйхэн поднял кнут и, указывая в толпу, произнес:

– Девушка в желтом платье с рыбой в руке. Разузнай про нее.

Вэй Ханчжи изумленно повернул голову, вглядываясь в ту девушку, в голове закрутился ураган мыслей. Его Высочеству уже исполнилось двадцать лет, но из-за заботы и личного внимания императора к его воспитанию он постоянно метался между Шуньтяньфу и Интяньфу ³², занятый изуче-

³² Шуньтяньфу и Интяньфу – названия городских администраций Пекина и Нанкина в период правления династии Мин.

нием основ управления страной. К четырнадцати годам он уже прекрасно разобрался в государственных делах, периодически исполняя обязанности правителя. Видимо, именно из-за высокого и могущественного положения наследного внука, из-за того, что он слишком рано познал облик мира и общественные условности, вплоть до настоящего момента Вэй Ханчжи, кажется, ни разу не видел, чтобы тот проявил интерес к противоположному полу.

Только вот девушка, на которую он указал в толпе... Вэй Ханчжи был в полном недоумении, он никак не мог взять в толк, почему двадцатилетний принц, впервые проявив интерес к женщине, положил глаз на такую внешность? И почему это произошло именно сейчас, что так его зацепило?

Тем не менее Вэй Ханчжи быстро отбросил свои мысли и шепотом ответил:

– Слушаюсь.

Не медля больше и мгновения, Чжу Юйхэн проехал сквозь городские ворота во главе свиты. Оставшись один, Вэй Ханчжи спустился с лошади на землю, подозвал нескольких солдат из теневой гвардии ³³, которых заприметил в толпе, и велел им незаметно собрать информацию о происхождении и жизни незнакомки, заинтересовавшей на-

³³ Понятие, часто встречающееся в романах и сериалах с исторической тематикой, однако структуры с таким названием в Китае не существовало, хотя были похожие подразделения. Под «аньвэй» понимают секретных телохранителей или разведчиков, стоящих на службе у императора.

следного внука императора.

«Эта девушка... Уж слишком простая на вид».

Получив приказ, солдаты теневой гвардии отправились на его выполнение, но в душе каждый из них не смог удержаться от таких мыслей.

Только вот никто даже не догадывался, как изменит жизнь в Поднебесной тот поспешный взгляд, что Чжу Юйхэн бросил на девушку в короткий миг встречи, сколько людских судеб он определит.

Глава 2

Южнее южных земель

За воротами Фэнтяньмэня у самой дворцовой стены во главе группы военных чинов стоял Чжугэ Цзя, вид у него был строгий и торжественный, он спокойно ждал. Вдали показался всадник, он не спеша приближался. Чжугэ Цзя был неподвижен, как гора, но вот стоявшие за его спиной военные не выдержали и принялись вытягивать шеи, чтобы разглядеть, кто же это, задние ряды шепотом пытались получить хоть какую-то информацию у передних:

– Приехал?

– По времени уже пора, но только этот всадник как-то не похож...

Как мог Его Высочество, такой смелый и решительный, одинаково требовательный к себе и к окружающим, позволить своему подчиненному вести себя так расхлябанно?

Когда лошадь со всадником приблизилась, все увидели лицо сидящего на коне, и многие не сдержались, презрительно искривив лица:

– Эге, Садовник почтил своим присутствием!

«Садовником»³⁴ в Шуньтяньфу называли Чжо Яня, криво

³⁴ В Китайском языке один из эвфемизмов для обозначения публичного дома – «цветочный сад», а «садовником» могут назвать завсегдадая подобных заведе-

сидя на лошади, он держал в одной руке пирожное с начинкой из красной фасоли, а в другой – флягу из бамбука, из которой сейчас пил воду, утоляя жажду. Вид у него был неряшливый и несуразный, но юношу это совершенно не беспокоило.

Воины из Отряда чудесных механизмов должны были носить еса³⁵ свободного кроя с разноцветными круглыми узорами, и только этот юнец Чжо позволил себе перешить форменное одеяние, сделав его облегающим. В жаркий летний день, как сегодня, каждый квадратный цунь тонкой ткани плотно прилипал к телу, еще сильнее подчеркивая его подтянутую фигуру, широкие плечи и узкую талию – словно он не на службу пришел, а пускать пыль в глаза!

Неторопливо допив воду из бамбуковой фляги, Чжо Янь непринужденно наклонился и уже собирался слезть с коня, как, подняв голову, заметил, что все стоят навтыжку, руки по швам, стройными рядами, спокойно чего-то ожидают под предводительством Чжугэ Цзя. Чжо Янь чуть не подавился куском пирожного с красными бобами, в секунду скатился с лошади и, сжавшись всем телом, осторожно приблизился к Чжугэ Цзя, шепотом спросив:

– Цзя-Цзя³⁶, а наш Отряд чудесных механизмов... Мы

ний.

³⁵ Еса – тип верхней одежды при династии Мин с отрезной по талии конструкцией (верх соединен с широким подолом в складку-плиссе), составной элемент воинского костюма эпохи.

³⁶ При обращении к близкому человеку можно удвоить иероглиф его имени,

здесь разве не для поисков зацепок? Чего это с утра пораньше все выстроились?

Чжугэ Цзя смерил его взглядом, проигнорировал вопрос и продолжил всматриваться в главную улицу. Стоявшие поблизости, услышав «Цзя-Цзя», не смогли сдержать изумление.

Несмотря на свою привлекательную внешность, командующий Чжугэ был так суров во время тренировок подчиненных рядовых, что получил в Отряде чудесных механизмов тайное прозвище Яньло³⁷. А Чжо Янь, беспардонный недопепа, посмел обнять их общего мучителя за шею, да еще и назвать его «Цзя-Цзя»! Услышав это, все воины отряда, от высших чинов до низших, затряслись от ужаса.

– Знаменосец Чжо, – ледяным голосом отчеканил Чжугэ Цзя, наконец прервав молчание. – Мы несем службу при дворе императора, почему ты ведешь себя так развязно и несобранно? С завтрашнего дня чтобы вовремя приходил на утреннюю перекличку, хоть на шаг опоздаешь – тебя будут судить по военным законам.

– Да-да-да, разумеется, – не задумываясь ответил Чжо Янь, носивший чин знаменосца центрального гарнизона.

Вместе с этим он достал из седельной сумки позолочен-

чтобы звучать неформально.

³⁷ Яньло – владыка ада и верховный судья потустороннего мира в китайской мифологии.

ный веер, с легким шуршанием раскрыл его и принялся обмахиваться с рассеянным видом.

– Весь день напролет перекапывать пожарище – это же так скучно! Да и вообще, мы перекопали несколько сотен даней ³⁸ пепла, а нагара от пороха в сумме хотя бы на две хлопущки набралось? Я тут совершенно не нужен!

Чжугэ Цзя и бровью не двинул. Чжо Янь, заметив полное равнодушие командира, тоже потерял интерес к спору и уже собирался улизнуть с недовольным видом за угол стены, чтобы отдохнуть в тенишке, как на востоке со стороны переулка Шести министерств ³⁹ раздался топот копыт – несколько десятков отборных скакунов мчались в их сторону.

Всадники двигались с востока, солнце было прямо за их спинами и ослепительно сияло, слепя глаза. Чжо Янь никак не мог разглядеть, что это за люди, ему оставалось лишь, прищурившись, вытянуть шею в попытках хоть что-то разглядеть. Он увидел только стремительно несущиеся конные фигуры, особенно быстро двигалась та, что была впереди всех – черно-красное церемониальное одеяние, отборный вороной конь, превосходная езда.

Из-под копыт клубами вздымалась пыль, всадник и его

³⁸ Дань – традиционная мера веса, равная примерно 100 цзиням или 50 кг.

³⁹ Центральное правительство Китая в период с династии Сун (960–1279) по династию Цин (1644–1912) (включая династию Мин 1368–1644 гг.), состоявшее из шести подразделений: Министерство чинов, Министерство финансов, Министерство церемоний, военное министерство, Министерство наказаний и Министерство общественных работ.

скаун со свистом неслись по улице, мощенной голубовато-серым камнем, в мгновение ока они добрались до воинов из Отряда чудесных механизмов, намного опередив остальных. Всадник резко натянул поводья, подняв коня на дыбы, смерил взглядом выстроившихся военных, на секунду задержав взор на Чжо Яне.

Тот поднял голову, вглядываясь в человека перед собой. Сидя на вскинувшемся на задние ноги коне, он находился спиной к солнцу, и в таком освещении его лицо, взиравшее на собравшихся сверху вниз, было нелегко рассмотреть. Однако одного четко очерченного профиля всадника было достаточно, чтобы внушить трепет.

Чжо Янь почувствовал, что эта дрожь была вызвана вовсе не внешностью человека перед ним. Ее исток был в его мощной энергетике, исключительной харизме, благодаря которым стоило ему появиться, как солнечный свет, словно покоряясь этому всаднику, начал литься с особой силой, озаряя все вокруг и не давая простым смертным рассмотреть своего повелителя.

Откуда ни возьмись в душу ворвался боязливый трепет, и Чжо Янь, беззаботно просуществовавший двадцать лет своей жизни, почувствовал, как подгибаются и начинают дрожать коленки. Про себя он подумал, что это совершенно ненормально – как может существовать на свете такой человек, при одном появлении которого все вокруг тут же преклоняются перед ним и выказывают свое уважение?

Сам всадник, казалось, вовсе не придавал значения своему поражающему влиянию. Более того, когда его взгляд пересекся со взглядом Чжо Яня, он даже как будто слегка кивнул ему.

Невероятная аура всадника совершенно не сочеталась с его возрастом – двадцать с небольшим лет. Роскошное одеяние и норовистый конь, тонкие черты лица, вот только настроение, похоже, было не самым лучшим. Выражение у всадника было слегка изможденным, но когда его глаза смотрели на людей, то, подобно сверкающим зимним звездам, повергали в трепет, вызывали восхищение.

Далекий от политической жизни Чжо Янь выкатил грудь колесом и со смехом спросил всадника:

– Осмелюсь спросить, из какого ты рода, братец? Я – Чжо Янь, знаменосец центрального гарнизона Отряда чудесных механизмов, мой отец – Чжо Шоу, командующий гарнизоном Интяньфу, а мой дедушка носил титул Динъюаньхоу⁴⁰...

От неожиданного представления трех поколений семьи Чжо Чжугэ Цзя не удержался и вытаращился на Чжо Яня, лицо его выражало полное недоумение, за которым скрывалось ожидание занимательной сцены. Всадника вовсе не поразило блестящее происхождение Чжо Яня, он лишь кратко кивнул, спрыгнул с коня, отдав поводья подоспевшему ору-

⁴⁰ Динъюаньхоу – титул времен династии Восточная Хань (25–220), был пожалован за воинские заслуги полководцу Бань Чао (32–102).

женосцу, и переключил внимание на Чжугэ Цзя:

– Благодарю за ожидание, командующий Чжугэ.

Голос у него был глубокий, темп речи размеренный. Даже легкая хрипотца – следствие только закончившегося галоп – не лишала его внушавшего трепет авторитета.

– Не смею принять вашу милость, – Чжугэ Цзя поспешно отдал честь, почтительно накрыв ладонью одной руки кулак другой.

Оставшись без капли внимания, Чжо Янь опешил. Этот малый совершенно ничего не понимает? Он тут уже похвастался своим славным происхождением, а тот даже имени рода не упомянул! В расстроенных чувствах Чжо Янь снова напомнил о себе:

– Ну так... Братец, из какого ты рода?

Услышав, что Чжо Янь снова подал голос, всадник наконец отреагировал. Двинувшись в сторону ворот Фэнтяньмяня следом за Чжугэ Цзя, он бросил:

– А-Янь⁴¹, а ты смелый малый – вот так вот легко позабыл меня?

Юноша был строен и высок, его фигура излучала непоколебимость и энергичность, походка была быстрой и плавной, а во взгляде словно таились лезвия. Он напоминал только-только возмужавшего льва, который, сжав когти, осматривает свою территорию – настороже, но в полном сознании собственной силы.

⁴¹ Добавление префикса «А» к имени делает обращение более неформальным.

Чжо Янь был полностью уверен – он ни разу в жизни не встречался с этим юношей. Если бы это произошло, он бы наверняка запомнил – такую энергетику из памяти не стереть! Однако, когда тот обратился к нему, как к знакомому, Чжо Янь снова засомневался и замер в нерешительности, не зная, что ответить, чтобы выбраться из неловкой ситуации. Тут Чжугэ Цзя, не выдержав, произнес:

– На месте пожара сплошной хаос и грязь. Ваше Высочество, прошу, ступайте осторожно, следуйте за мной по протоптанному пути.

– Хорошо, благодарю за беспокойство, командующий Чжугэ, – ответил юноша.

– А-а-а! – услышав «Ваше Высочество», Чжо Янь словно прозрел, пришел в крайнее смущение и, вытаращившись на юношу, запинаясь, спросил. – Его... Его Высочество наследный внук императора?

Увидев, что Чжо Янь наконец-то вспомнил его, Чжу Юй-хэн повернулся к нему с улыбкой:

– Меня впервые в жизни не узнали.

У Чжо Яня обмякли ноги, но лицо дернулось от плохо скрываемого раздражения.

«Да мы последний раз лет десять назад виделись... Тогда оба еще пешком под стол ходили!»

– Я все эти годы был в Шуньтяньфу, а ты – в Интяньфу, вот мы и не виделись уже лет десять, поди. – Не теряя благородства, наследный внук императора мягко заговорил

с другом детства, вспоминая прошлое. – Когда ты приехал в Шуньтяньфу? И когда успел вступить в Отряд чудесных механизмов?

– Э-э-э... Ну, давай начистоту, – скривив лицо, смущенно ответил Чжо Янь. – Я человек ленивый и праздный, если бы отец не заставил меня, я бы ни за что не пошел добровольно в Отряд чудесных механизмов, гиблое это место. Ну, собственно, поэтому я обычно девять из десяти дней сказываюсь больным и остаюсь дома, а десятый день – отмечаюсь на перекличке и тут же ухожу. Сегодня как раз такой день.

– У каждого человека свои устремления в жизни. Раз уж тебе не нравится здесь, то я постараюсь по возможности перевести тебя в более подходящее место. – Сказав это, Чжу Юйхэн задумался ненадолго, а затем добавил: – До меня дошел слух, что, живя в Интяньфу, ты был частым гостем... садов с прекрасными цветами, и за хорошее знакомство с их нравами и порядками даже получил прозвище Садовник.

– Эмм... – Чжо Янь почесал подбородок, не зная, стоит ли ему во всей красе расписать свои подвиги на любовном поприще или все-таки лучше проявить скромность.

– В таком случае я бы хотел расспросить тебя кое о чем. – Голос Чжу Юйхэна стал тише. – Недавно во дворце появилась шпилька, украшенная стрекозой, несколькими супругам императора она сильно пришлась по душе. Я надумал прикупить несколько похожих, чтобы порадовать их.

– О, это ты по адресу обратился! – со смехом ответил

Чжо Янь, крайне заинтересовавшись. – На рынках Севера в основном продаются шпильки с бабочками и фениксами, а вот в Цзяннани популярны другие мотивы: стрекозы, кузнечики, саранча, – на любой вкус и цвет. Какие именно приглянулись супругам императора?

– Черно-синяя стрекоза из атласа и шелка, – глядя на красную стену, ответил Чжу Юйхэн. – В длину примерно с мизинец. Крылышки сделаны из черного тюля, натянутого на медную проволоку, невероятно легкие, колышатся вместе с дуновениями ветра. Глаза у стрекозы из лазурита. Если эту шпильку воткнуть в прическу, кажется, что на волосы села настоящая стрекоза.

– Таковую вещицу... Боюсь, ни разу не видел, – почесав голову, нахмурился Чжо Янь. – Видел из золота, из нефрита, но черно-синюю стрекозу из атласа и шелка, которую Ваше Высочество описали, ни разу не встречал. Ваше Высочество, подумайте сами, женщины используют украшения, чтобы выглядеть лучше и привлекать внимание – кто бы стал в черные волосы втыкать черно-синюю стрекозу! Такая вещица спросом точно не будет пользоваться.

Сказав это, Чжо Янь вдруг подумал – супруги императора уже не молоды, волосы поседели, так что им, наоборот, очень пойдет подобное украшение, но не осмелился произнести это вслух, а лишь делано улыбнулся:

– Короче говоря, за последний год я немало девушек повидал, тысячи, конечно, не наберется, но штук восемьсот

точно будет – ни одна из них не носила подобное украшение.

«Та стрекоза была мастерски сделана, ее невозможно было забыть. Раз Чжо Янь не вспомнил, значит, и правда не встречал».

– Тогда попрошу тебя понаблюдать, – кивнув, сказал Чжу Юйхэн. – Если вдруг увидишь похожие вещицы, возьми парочку для меня.

– Конечно, обязательно так и сделаю, – поспешно согласился Чжо Янь.

За разговором все трое в сопровождении свиты подошли к Фэнтяньмэню. В глаза бросились не величественные три больших дворца, а груды обгоревших руин. На почерневшем от копоти фундаменте возвышались остовы обвалившихся стен, на фоне ярко-красной дворцовой ограды выглядевшие еще более уныло.

Сопровождая Чжу Юйхэна, Чжугэ Цзя поднялся по лестнице и, указав на сохранившийся угол здания, произнес:

– Ваше Высочество, посмотрите туда. Во время разбора завалов слуги именно там нашла евнуха Цзи.

Осторожно ступая по треснувшей плитке, закопченным камнями и спаленным обломкам свай, валявшихся повсюду, Чжу Юйхэн подошел к углу и взглянул, куда ему указали. Квадратная золотая плита с длиной ребра в один чи⁴² и четыре цуня исчезла, обнажив подземный ход, в котором стоял крошечный мрак.

Зимы в Шуньтяньфу были суровыми, если из кувшина проливалась капля воды, то она превращалась в льдинку, не успев коснуться земли. Поэтому в каждом дворце Запретного города по приказу Его Высочества были проложены подземные тоннели для обогрева. Одно было очень странно: дворцовые подземные ходы были выложены прочными кирпичами, а входы в них с поверхности были закрыты тяжелыми золотыми плитами. Тогда как же Цзи Чэнмин сумел в спешке во время пожара поднять эту громоздкую плиту, чтобы укрыться в тоннеле?

Чжугэ Цзя поднял несколько кусков расколотых камней, лежавших у входа в туннель, старательно стер с них слой копоти, открыв взору полированную поверхность породы с вкрапленными самоцветами:

– Эта глыба нефрита украшала интерьер дворца, особая резьба, называемая «Единение Поднебесной». Евнух Цзи лично контролировал возведение дворца, предполагаю, что он знал – именно под этой плитой находится вход в подзем-

⁴² Чи – мера длины, равная десяти цуням или 33,33 см. В данном случае длина ребра составляет 14 цуней или почти 47 см.

ный тоннель, а стык с прочими кирпичами пола неплотный. По этой причине по время пожара он и опрокинул этот резной нефрит на нее, удар оказался достаточно сильным, чтобы расколоть не только саму плиту, но и кирпичи под ней, открыв проход в убежище.

Чжу Юйхэн, конечно же, уже видел этот резной нефрит. В верхней его части были вырезаны морские волны, разбивающиеся о прибрежные скалы, каждая с человеческий рост высотой. Камень весил больше тысячи цзиней. Если такой толкнуть на пол, то не только золотая плита, но даже прочные строительные камни и кирпичи и те не выдержат, разлетятся на куски.

Чжугэ Цзя обернулся и дал Чжо Яню знак спуститься в тоннель. Тот, стесненный облегающим еса и нефритовыми табличками, украшающими пояс, неуклюже пролез в подземный ход и, усевшись на корточки, зажег огниво. Тоннель был вовсе не широким, даже Чжо Яню с его некрупным телосложением лишь с большим трудом удалось втиснуться.

– Ваше Высочество, взгляните сюда, – произнес Чжугэ Цзя, указывая вниз. – Дворец Фэнтяньдянь не открывали с первого дня Праздника весны⁴³, все подземные проходы были давно опорожнены и очищены, а входы в них – запечатаны. Евнуху Цзи было достаточно ползти вперед по тоннелю, и он бы точно добрался до места, куда не попали дым и копоть. Но вот что странно – оказавшись в совершен-

⁴³ Праздник весны – традиционное название китайского Нового года.

но пустом тоннеле, евнух Цзи даже на полцуня не сдвинулся с места, он все время оставался здесь, сидя на коленях у разбитого падением нефрита входа. Так и сгорел заживо.

Услышав это, сидевший в тоннеле на корточках с огнивом в руках Чжо Янь тут же подпрыгнул, но забыл, что над головой у него брусчатка – лицо юноши исказилось гримасой боли. Потирая ушибленный лоб, он в смятении устался на обломки и пыль на земле. Среди кусков разбитых золотых и нефритовых плит были отчетливо видны продолговатые отпечатки, выжжено-черные, они словно приварились к земле. Было очевидно – это обгоревшие до костей ноги Цзи Чэнмина, оставшиеся там, где он пытался укрыться от бушевавшего пламени пожара.

Глядя на два обуглившихся останка, Чжу Юйхэн наконец подал голос:

– Он сидел в тоннеле на коленях?

– Да. В тот день во время устранения последствий пожара евнухи Внутреннего дворца искали особенно внимательно, потому что стало известно – евнух Цзи зашел во дворец, но не выходил из него. Так они обнаружили двадцать два тела, но ни одно из них не принадлежало ему. Только когда были расчищены завалы внешних территорий дворца, и евнухи переместились на внутренние, они обнаружили этот проход в углу стены, а в нем – останки евнуха Цзи именно в этой позе.

Участвуя в военных походах, Чжу Юйхэн повидал бесчис-

ленное множество трупов, но, наткнувшись взглядом на обгорелые останки ног, не выдержал и отвел глаза. Все-таки сейчас ему стало сложнее смотреть в лицо смерти, и уж тем более он не позволял себе даже представить, что скоро и сам отправится на тот свет. От него тоже останется лишь вот такой след?

Поднявшись на ноги и взяв себя в руки, Чжу Юйхэн спросил:

– Необычная поза, не находите?

– Именно. Оказавшись в самом центре пожарища, окруженный обжигающим дымом и копотью евнух Цзи уже сумел открыть проход в тоннель, дальше он бы инстинктивно пополз вдоль стен вглубь, подальше от пламени, полыхающего у входа, – согласился Чжугэ Цзя. – Никак не возьму в толк, отчего евнух Цзи, спустившись в подземный тоннель, преклонил колени у входа и остался недвижимым, упустил единственный шанс на спасение и сгорел заживо в бушующем пламени, оставив после себя лишь эти обугленные кости?

– Где сейчас находится тело Цзи Чэнмина? – поколебавшись пару мгновений, снова задал вопрос Чжу Юйхэн.

– Евнухи Внутреннего дворца уже поместили его в погребальную урну. Хотя мы и говорим сейчас «тело», но на самом деле от погибшего осталось только несколько обломков костей. Да и те были раздроблены и сплющены обвалившимися истлевшими балками, евнухам только и оставалось, что

вместе с костями поместить в урну пепел и пыль, прилипшие к останкам. При этом скелеты, найденные во внешних территориях дворца, напротив, сравнительно цельные, их было проще опознавать.

Чжу Юйхэн и Чжугэ Цзя разговаривали на поверхности у входа в тоннель, а смертельно перепуганный Чжо Янь продолжал сидеть внутри с кислым выражением лица, от скуки вода огнем туда-сюда, освещая пространство вокруг. Вдруг луч света озарил какую-то диковинную вещицу, юноша не удержался и взял ее в руки, чтобы рассмотреть поближе.

Это был кусок дерева в форме полумесяца размером с ладонь, обгоревший, он полностью почернел и обуглился. Древесина, использовавшаяся в Фэнтяньдяне, разумеется, была высшего сорта, прочной и гибкой, так что хотя два угла вещицы обгорели и обломились, но в основном изделие сохранило изначальный вид.

– Это месяц? Для чего он? – сжав предмет между пальцев, Чжо Янь принялся внимательно рассматривать его и тут заметил тонкую резьбу на поверхности.

Он поднес этот обгорелый полумесяц поближе к лицу, сощурился и пристально вгляделся.

– Что это? – Чжу Юйхэн обратил на него внимание.

– Похоже на стрекозу, – ответил Чжо Янь.

Стрекоза.

У Чжу Юйхэна сердце пропустило удар, он медленно пе-

ревел взгляд на деревянный предмет.

Заметив его интерес, Чжо Янь поспешно поднял обгоревшую деревяшку повыше и передал Чжу Юйхэну в руки.

И правда, на почерневшем обуглившемся кусочке древесины мелко-мелко была нанесена резьба, едва различимая, ее можно было разглядеть только при внимательном рассмотрении. Сверху был вырезан скошенный крест, а под ним – вертикальная линия, вместе действительно напоминавшие стрекозу.

Чжугэ Цзя, посмотрев на вещицу из-за спины Чжу Юйхэна, произнес:

– Похоже на шиповое соединение, такие используются для скрепления деревянных деталей. Соединения такого типа с двумя загнутыми вверх углами называют «тысячелетними шипами», но также зовут и «новолунными шипами» из-за их внешнего сходства с молодой луной. Судя по размеру, это соединение использовалось на поперечных стропилах или на балках.

– Чем это соединение так уникально, что его называют «тысячелетним»? – спросил Чжу Юйхэн.

– У такого типа шипов оба конца загнуты вверх, достаточно вставить их в пазы, и такое соединение будет прочно держаться – указав на вздернутые кверху два конца детали, ответил Чжугэ Цзя. – Все предметы имеют массу, соединенные деревянные элементы, конечно же, тоже будут оказывать давление на это соединение, но оно расшатается, только ко-

гда сгниет через сотни и тысячи лет, а в любой другой ситуации будет надежно держать конструкцию.

– Другими словами, единственный способ обрушить крышу – это приложить силу, способную подкинуть вверх балку, соединенную с помощью «тысячелетних шипов»? – задал встречный вопрос Чжу Юйхэн. – Только так возможно выдернуть ее из этого крепления?

– Все верно. В противном случае «тысячелетний шип» будет просто переломлен обвалившейся конструкцией. – Чжугэ Цзя продемонстрировал тонкими длинными пальцами захват, направленный вверх, и затем озадаченно добавил: – Только вот этот шип, хоть и поврежден немного по углам, но в остальном, вне всяких сомнений, в полном порядке, никаких следов переламывания... Странно это, кто обладает такой огромной силой, что способен поднять и опрокинуть крышу Фэнтяньдяня, вышибив из пазов эти «тысячелетние шипы»?

Чжу Юйхэн ничего не ответил, но в это мгновение перед глазами неожиданно промелькнула картина того вечера. После того как он вышел из дверей дворца и выпустил стрелу в белую тень на балке, юноша обнаружил, что его волосы и одежда слегка приподнялись вверх и закачались на воздухе под воздействием какой-то аномальной силы.

Вдобавок к этому в момент, когда пожар только разгорелся, он обернулся на дворец, стоя на втором уровне фундамента, и увидел, что пламя, бушевавшее на вершинах двена-

дцати колонн, украшенных извивающимися драконами, сворачивается в клубы и поднимается вверх, как если бы двенадцать огромных драконов одновременно изрыгали ненасытный огонь. Словно бы какая-то жуткая сила выбивалась вверх из-под земли; вместе с этим казалось, что с небес спустился вихрь, чтобы поглотить все вокруг и разом стереть с поверхности три больших дворца.

Вихрь поднял в воздух клубы золы и пепла, и те облепили стоявших с ног до головы. Обуглившийся «тысячелетний шип», казалось, все еще испускает огненное дыхание того вечера.

Чжу Юйхэну стало тяжело дышать, но он подавил свои чувства. Забрав деталь из рук Чжугэ Цзя он, рассматривая ее, обошел обвалившуюся стену, расположенную за ними, а затем двинулся вниз по ступенькам лестницы.

Чжо Янь немедленно выполз из тоннеля, кое-как отряхнул пыль с роскошного одеяния и, стараясь не задерживаться ни на секунду, поспешил за остальными.

Увидев, что Чжу Юйхэн неотрывно смотрит на «тысячелетний шип», погрузившись в молчание, Чжугэ Цзя подал голос:

– Ваш презренный слуга полагает, что, возможно, древесина, использованная для внешних деталей, была не такая твердая, как дерево, из которого были изготовлены шиповые соединения в центральной части. Поэтому внешние детали прогорели, ослабли, и когда поддерживаемые ими кон-

струкции рухнули, соединения тоже раздробились на куски. И в итоге неповрежденными остались только центральные «тысячелетние шипы».

– Да, тоже вполне возможно. – Голос Чжу Юйхэна, внимательно рассматривавшего неглубоко прорезанный на детали знак, был слегка глух. – В таком случае, командующий Чжугэ, что это за пометка?

– Это... – ответил Чжугэ Цзя, на его лице отразилась нерешительность. – Ваше Высочество, прошу, дайте вашему слуге еще пару дней на выяснение всех обстоятельств. Эта метка... Вероятно, кто-то из столяров незаметно сделал ее, потому что хотел оставить память о себе, о том, что он принимал участие в возведении императорского дворца – для него это наверняка была огромная честь!

В ответ Чжу Юйхэн лишь качнул головой и молча повернул «тысячелетний шип» горизонтально, поднес к глазам и снова взгляделся в едва различимые надрезы.

«Связана ли эта стрекоза с той, что вылетела из пламени?»

– А я считаю... – медленно заговорил Чжу Юйхэн, – если бы метку оставил ремесленник, трудившийся на стройке, он бы не сделал ее так поспешно и небрежно. Ты не думал, что кроме мастеровых у еще одного человека был доступ к этой детали, упавшей в тоннель?

Чжугэ Цзя побледнел от ужаса, и с его языка сорвалось:

– Ваше Высочество имеет в виду, что эту насечку сделал

перед смертью Цзи Чэнмин?

Чжу Юйхэн не ответил, протянул деталь командующему и приказал:

– Вели евнухам тщательно проверить, нет ли похожего знака на прочих вещах, к которым Цзи Чэнмин имел при жизни доступ.

Ожидавший их внизу лестницы младший евнух поспешно зачерпнул ковшом воду из большого медного кувшина, чтобы Чжу Юйхэн мог смыть с рук пепел. Чжугэ Цзя опустил голову, и его взгляд упал на ладони принца. Струя чистой воды стекала по тыльной стороне и пальцам, длинным и тонким, точно отполированные изделия из белого нефрита. В блеклых лучах солнца руки принца сияли, переливаясь всеми цветами радуги, слепили глаза.

Такие руки могут быть только у принца.

Пока Чжугэ Цзя был погружен в свои мысли, Чжу Юйхэн уже вытер руки насухо полотенцем, после чего спросил:

– Расследованием пожара совместно занимаются пять министерств, но где же люди из других подразделений?

Чжугэ Цзя осмотрелся по сторонам и указал пальцем на сторбленную фигуру, одиноко стоявшую посреди развалин дворца Цзиньшэньдянь:

– Вон там стоит евнух Бянь Цуньянь из оружейной мастерской Вангун. Характер у него причудливый, я мало знаком с ним.

Чжо Янь, услышав разговор, просеменил к краю лестницы

и, сложив руки рупором у рта, громко крикнул:

– Евнух Бянь, прибыл Его Высочество наследный внук императора!

Человек не обратил никакого внимания на призыв и продолжил, согнувшись, копать в почерневших от пожара руинах. Обгоревшие развалины дворца напоминали ад вечных мучений, но евнух Бянь удивительным способом сумел пролезть в самый центр пожарища и еще так кропотливо обыскивал его – это вызывало уважение.

Чжо Янь крикнул еще пару раз, и Бянь Цуньянь наконец услышал его, распрямылся и посмотрел в сторону кричавшего. Затем он сложил руки в приветственном жесте и поклонился в сторону Чжу Юйхэна, но не подошел, а сразу вернулся к самозабвенному поиску на пепелище.

Чжу Юйхэн смерил Бянь Цуньяня оценивающим взглядом. На вид евнуху было не больше сорока лет, он был одет в выцветший имбирный еса, покрытый слоем золы. Сам евнух был смугл и тоже перемазан в пепле с ног до головы. То, с каким сосредоточением мужчина был погружен в свою работу, придавало его низкорослой и худосочной фигуре непреклонный и горделивый вид.

– Тогда не будем беспокоить евнуха Бяня. – Чжу Юйхэн дал знак сопровождавшим его телохранителям-лунсянам, чтобы те построились. – Если вы здесь что-то обнаружите, тут же сообщите мне.

– Слушаюсь, – ответил Чжугэ Цзя, а затем подозвал под-

чиненного с подносом и доложил Чжу Юйхэну. – Наш отряд разработал новый вид огнестрельного оружия – ручница, над ним совместно трудились военные центрального гарнизона и умельцы из мастерской Чжоцяо. Новая ручница отличается небольшим размером и тщательной проработкой, к тому же ее легко разбирать. Если Ваше Высочество она заинтересовала, было бы отлично носить ее при себе.

Чжугэ Цзя очевидно старался угодить Чжу Юйхэну, тот действительно интересовался новыми видами мощного оружия, поэтому охотно принял подношение. Ручница всем весом легла в ладонь, она была отлита из отборного железа. В передней части располагалась полая трубка, а в задней – слегка вздымавшаяся зарядная камера. Ручница была посеребрена и инкрустирована изображением дракона и тигра, оружие было выполнено изящно и незаурядно.

Чжу Юйхэн открыл запальное отверстие и зарядную камеру, внимательно осмотрел их. Чжугэ Цзя только хотел продемонстрировать ему, как разобрать ручницу, но тот уже убрал оружие в чехол и сказал:

– Как у меня будет свободная минутка, попробую самостоятельно разобрать.

Чжугэ Цзя понимал, что такая мелочь точно не составит труда для Его Высочества, поэтому просто подал ему мешочек с пулями и порохом для ручницы.

– Удобная вещица, легко при себе носить. Интересно, а можно ли подобные массово производить?

– Спусковой механизм у этой ручницы небольшой, прицел непросто настраивать, по этой причине производство очень затруднено, и к настоящему моменту мы изготовили только три штуки, – пояснил Чжугэ Цзя. – Сегодня и мастера из Чжоцяо сказали, что работа слишком сложная, они не смогут больше произвести ни одного экземпляра. Если Вашему Высочеству необходимы еще ручницы, боюсь, придется подождать.

– Не страшно. Просто сообщи мне, как появится возможность для массового производства. – Чжу Юйхэн запрыгнул на коня, проехал пару шагов, но вдруг повернулся и указал на «тысячелетний шип». – Командующий Чжугэ, наведите справки, есть ли на свете такая сила, что способна поднять огромную тяжесть в воздух, чтобы она вылетела из шипового соединения?

На лице Чжугэ Цзя проявилось недоумение, он запрокинул голову, посмотрев на Чжу Юйхэна, сидевшего верхом. Увидев, что тот выглядит совершенно серьезно и очевидно не шутит, командующий почтительно вытянулся по швам и ответил:

– Слушаюсь, ваш презренный слуга непременно сделает все возможное и тщательно изучит вопрос.

Сопровождаемый телохранителями-лунсянами, Чжу Юй-хэн выехал из ворот Умэнь ⁴⁴, там его уже ждал Вэй Ханчжи. Принц не стал ничего спрашивать и молча отправился с ним в присутствие министерства финансов, где занялся просмотром отчета, составленного по срочному делу.

Правящая династия вела строгий контроль за населением и сбором налогов, если в городе появлялся новый человек, это никогда не оставалось незамеченным. Смуглая девушка, не похожая на рожденную в столице, должна была остановиться где-то в Шуньтяньфу на ночлег, а значит, ее точно можно будет выследить. Даже если она не придет в присутствие самостоятельно, уличный староста с места, где она поселится, все равно сделает соответствующую запись, которая попадет в министерство в рамках ежемесячных докладов.

Все в Поднебесной, каждый клочок земли, все ходящие по ней существа – принадлежат императору. Как только эта девушка ступила на территорию империи, она тут же должна была оказаться в поле зрения правителя.

Не прошло и половины большого часа, присланный обед

⁴⁴ Умэнь – главные (южные) ворота Запретного города.

еще не успел остыть, как человек, которого он так хотел найти, был обнаружен.

«В колодезном конце хутуна ⁴⁵ Дуаньсун владелец шести дворов сдал 18-го числа третьего месяца двор номер три некой девушке. Поселившаяся в доме девушка назвалась А-Нань, восемнадцати лет от роду, рост пять чи два цуня ⁴⁶, кожа слегка смуглая. Девушка заявила, что приехала с Юга, чтобы найти родных, с которыми раньше не виделась, поселяется в городе временно. Приехала одна. В основном ходит по улицам без конкретного занятия, иногда ведет себя странно – возможно, причиной тому дикость и бескультурие, свойственные южанам. Законы не нарушает».

«Приехала с Юга, зовут А-Нань»⁴⁷.

Лаконичный текст доклада был написан по шаблону, использовавшемуся уличными старостами для заполнения фискальных подворных списков, совершенно обыденная форма. Однако Чжу Юйхэн долго просидел, уставившись на этот незамысловатый документ.

«Южнее южных земель, где небо залито блеском звезд».

Вдыхаемый воздух словно затвердел, грудь сдавило, и только тогда юноша вынул лист из папки и отложил в сторону. Потом он поднял голову и взглянул на Вэй Ханчжи, сто-

⁴⁵ Тип старых кварталов в Пекине.

⁴⁶ Рост героини 173 см.

⁴⁷ Иероглиф «нань» в имени героини означает «юг», префикс «А» используется для формирования имени.

явшего поблизости:

– Жилье съемное, и где же домовладелец?

– Мои люди уже вызвали его, он ожидает снаружи, – ответил Вэй Ханчжи.

Чжу Юйхэн подал знак кивком головы, и уже через мгновение хозяин дома, опрятно одетый в выстиранное и накрахмаленное платье, встал перед ним. Хотя мужчина и не знал, кто именно сидит перед ним, но это был его первый раз в присутственном месте, да к тому же манера Чжу Юйхэна держаться была явно не из простых, поэтому, старик весь трепетал от страха, не зная, куда себя деть, как сложить руки, как поставить ноги.

– Дедушка, присядьте. – Чжу Юйхэн прикрыл рукой лист, вырванный из папки с подворными списками, и, дождав-шись, когда Вэй Ханчжи выйдет, спросил. – Знаете ли вы о происхождении А-Нань, той девушки, что сняла у вас дом?

– Она поселилась у меня восемнадцатого числа третьего месяца, – поспешно закивал старик. – Я сразу же сообщил об этом старосте, все как на духу выложил.

– Почему она одна приехала в Шуньтяньфу? Чем обычно занимается?

– Девушка А-Нань приехала по пропуску, выданному управой Гуанчжоуфу. Я слышал, что она сама с побережья, как-то раз с ней приключилась беда – упала в море, руки-ноги переломала, поэтому поехала в Шуньтяньфу просить помощи у родни, а заодно и лечиться от последствий перело-

мов. Вот только воды уже слишком много утекло, родню не нашла, так что покамест у меня остановилась. Последние несколько дней девушка-то и правда несколько раз ходила в портовый переулок к лекарю Вэю на лечение. Вот только когда она поселилась у меня, я не заметил, чтобы с ее руками или ногами было что-то сильно не так, вполне себе здоровые и крепкие.

– Она, случаем, не из заморских стран вернулась на родину? – После путешествий старшего евнуха Саньбао по Западному океану ⁴⁸ из заморских стран в империю стали прибывать купцы, путешественники из империи тоже отправлялись в экспедиции, однако было неслыханно, чтобы женщина решилась на подобное в одиночку. – Заметили ли вы еще за ней какие-либо странности, кроме тех, что уже назвали?

– Э-э-э... – домовладелец крепко задумался и растерянно произнес: – Эта девушка со всеми подряд дружбу заводит. По соседству с нашим хутоном Дуаньсун находится хутун Яньчжи ⁴⁹, так она прямо спелась с девицами оттуда, будто с пеленок знакома. Это... сойдет?

⁴⁸ Семь морских экспедиций китайского флота в Юго-Восточную Азию и Индийский (Западный) океан в 1405–1433 гг. под предводительством старшего евнуха Ма Саньбао (другое имя – Чжэн Хэ), давшие мощный импульс развитию морской торговли в регионе, расширению китайской диаспоры.

⁴⁹ Яньчжи – один из кварталов Пекина, где при династии Мин располагались легальные публичные дома высокого класса. Местные куртизанки были обучены музыке, каллиграфии, поэзии, а клиенты в основном были из числа чиновников и зажиточных горожан.

– Что-то еще есть? – Чжу Юйхэн покачал головой.

– Что-то еще... Девушка хоть и живет в одиночку в маленьком доме с двориком, явно не из робких, но по натуре бойкая, с широкой душой. Ничего особо странного за ней, кажись, не водится...

Чжу Юйхэн дал старику еще несколько минут на размышления, но, увидев, что тому правда больше нечего добавить, холодно произнес:

– Дедушка, коли уж вы явились в присутствие, должны знать, что к чему.

– Разумеется! – Старик содрогнулся от ужаса и поспешно отвесил поклон. – Я человек маленький, у меня рот непременно как закупоренная бутылка будет! Все-все, что благородный муж у меня спрашивал, я тотчас забуду, как только из этих дверей выйду.

Чжу Юйхэн поднял руку, дав старику понять, что тот может удалиться.

Когда дверь закрылась, юноша остался один в пустом помещении. Сидя за столом, он пристально уставился на лист из папки, на котором в нескольких лаконичных строках была описана девушка.

«А-Нань. Девушка, живущая южнее южных земель».

Солнце уже клонилось к западу, время утекло стремительно. Косые лучи светила, проникнув в комнату сквозь оконные переплеты⁵⁰, постепенно доползли до его пальцев.

⁵⁰Способ декорирования окон в Китае: оконные проемы украшались конструк-

Словно ошпаренный кипятком, юноша резко сжал ладонь, а потом, будто приняв важное решение, вскочил на ноги, зачихнул лист в рукав одеяния и вышел на улицу.

Вэй Ханчжи тенью проследовал за Чжу Юйхэном, когда тот широким шагом переступил через порог присутствия и вскочил на коня. Увидев, что Его Высочество собрался уезжать, отдыхавшие во дворце телохранители поспешно поднялись с земли и хотели отправиться с ним, однако Чжу Юйхэн лишь осадил коня, повернулся к ним и, наискось резанув хлыстом воздух, дал понять, чтобы они не вздумали приблизиться. Свита замерла на месте как вкопанная, никто не посмел ослушаться приказа принца.

Глядя на телохранителей сверху вниз, Чжу Юйхэн грозно крикнул:

– Всем оставаться на месте в ожидании дальнейших распоряжений! Без моего личного разрешения не смей самовольно следовать за мной.

В следующий миг телохранители увидели, как Его Высочество ускакал, поднимая за собой клубы пыли, в сопровождении одного только Вэй Ханчжи и скрылся за поворотом улицы. Им ничего не оставалось, как наблюдать за взвившейся в воздух дорожной грязью. В душе каждый почувствовал невероятную беспомощность – в тот год, когда Его Высочество отправился вместе с государем в Северный поход, даже сам император не мог удержать юношу, когда тот в одиноч-

ку устраивал вылазки в глубокий тыл врага. Они в сравнении с правителем просто букашки, разве кто-то посмеет перечить принцу? Все, что они могли сделать, – молиться про себя, просить, чтобы Его Высочество благополучно вернулся, а его отсутствие осталось незамеченным при дворе.

С момента основания династии минуло шестьдесят лет, и сейчас страна вступила в период расцвета. Шуньтяньфу был недавно отреставрирован, общественные здания сияли новизной, а опрятные дома горожан выстраивались в стройные линии улиц. В летний день после полудня люди предпочитали оставаться дома, на дороге были только Чжу Юйхэн и Вэй Ханчжи, подстегивавшие коней.

Несколько девушек стояли, облокотившись на стены ху-туна Яньчжи в ожидании работы. Услышав топот копыт, они вскинули головы и, увидев мужские силуэты, разом воодушевились, приняли элегантно-соблазнительные позы и с улыбкой помахали всадникам.

Чжу Юйхэн натянул поводья, осадив коня, и шепотом приказал Вэй Ханчжи:

– Подожди меня у моста Хуфанцяо, я скоро вернусь.

Это потрясло Вэй Ханчжи. Он бросил взгляд на девиц у стены, затем снова взглянул на наследного внука императора... Язык не поворачивался такое говорить, но молчать он не смел:

– Ваше Высочество, э-э-э... Его Величество строго приказал мне непрестанно охранять ваши покой и благополучие...

– Какая тут может быть угроза покою и благополучию? Езжай к мосту, я сказал! – произнеся это, Чжу Юйхэн хлестнул коня Вэй Ханчжи кнутом, и тот как ужаленный сорвался с места.

Девушки были вне себя от радости, и наперебой кинулись к Чжу Юйхэну, чтобы помочь ему стреножить коня. Однако тот не удостоил их даже взгляда, подстегнул скакуна и, не сказав ни слова, рванул сквозь улочки Яньчжи, направляясь к соседнему с ним хутуну Дуаньсун. Девицам осталась лишь пыль, поднятая быстрыми копытами.

Упав духом, они вернулись на прежнее место и принялись лузгать семечки, жалуясь друг другу на жизнь. Так они продолжали до тех пор, пока в переулке не показался высокий силуэт. Завидев эту фигуру, девушки снова обрадовались и громко закричали, замахав платочками:

– А-Нань, А-Нань! Иди к нам, сюда!

«А-Нань».

Услышав это имя, Чжу Юйхэн, уже успевший свернуть в сторону хутуна Дуаньсун, резко остановил коня. Скрытый

тенью ивы, он обернулся и посмотрел в сторону тех девиц. К ним навстречу быстрым шагом шла та самая девушка, облик которой так поразил его на утреннем рынке.

Ее стройная изящная фигура была облачена в светло-желтое платье с узкими рукавами, а собранные в небрежный пучок волосы по-прежнему украшала та черно-синяя стрекоза из атласа. Сам по себе цвет ткани был темным, даже мрачным, но в лучах солнца излучал сверкающий пурпурный отблеск – благодаря этому сиянию Чжу Юйхэн и увидел стрекозу, несмотря на большое расстояние.

От рябившего сияния в глазах юноши потемнело. Он стреножил коня под деревом, а сам, скрываясь в густых зарослях плакучей ивы, украшавшей переулочек, беззвучно двинулся в сторону девушек. До него донеслись голоса:

– А-Нань, возьми семечек – только-только пожарили.

– И правда, от них еще пар идет! – Голос А-Нань слегка поскрипывал, резко отличаясь от нежных голосков прочих девушек, его легко можно было распознать.

В руках у А-Нань была связка семенных коробочек лотоса, со смехом она кинула девушкам парочку, а потом взяла пригоршню жареных семечек и принялась грызть.

– Вкуснотища! – довольно кивнула она. – Поди, мамаша Лю делала? Обжарено в самый раз, я готова хоть два цзиня съесть!

Чжу Юйхэн, прячась за ветвями плакучей ивы, смерил А-Нань холодным оценивающим взглядом.

Стоит признать, черты лица у нее четкие, а внешность яркая. Вот только сейчас воспевается другой идеал женской красоты – хрупкая девушка с кожей белой, точно снег, и внешностью нежной, точно лепестки цветка. А она что? Большие подвижные глаза кажутся несколько дерзкими; в очертаниях прямого носа с высокой переносицей нет ни намека на мягкость, густые и черные, как крылья ласточки, брови отличаются от бровей прочих девушек – они предпочитают тонкие и изящные формы; кожа далека от белоснежности, ее цвет напоминает скорее мед или расплавленный сахар. На фоне очаровательных и нежных куртизанок хутуна Яньчжи А-Нань выделялась особенно резко.

– Два цзиня? Ах, А-Нань, держи себя в руках! – со смехом сказала девица в красном платье, очищая лotosовую коробочку от кожицы. – Взгляни на себя – рослая, так еще и ни за что не соглашаешься принаряживаться. Еще и походка у тебя такая грозная и тяжелая, мы ж тебя тогда за мужчину из-за этого приняли, понапрасну обворожить пытались!

– А чего в моей походке грозного и тяжелого? Да и разве такое описание подходит молодой девушке? – А-Нань усе-лась на придорожный камень и принялась болтать ногами, вид у нее был совершенно беспечный.

– Все я верно сказала. Для начала тебе стоит забинтовать ноги, все-таки для красивой походки нужно двигаться медленно, слегка покачиваясь, – с поучающим тоном ответила девица в красном. – А то кто же тебя такую замуж-то возь-

мет?

– Я приехала с юга, из земель племен маньи, мы не бинтуем ноги, – с усмешкой ответила А-Нань, как ни в чем не бывало продолжив болтать ногами. – К тому же у меня уже есть любимый человек. Пусть только попробует не жениться на мне!

– Врешь же! Целыми днями слоняешься в одиночку, ни разу тебя ни с кем не видели, – самодовольно захихикали девушки, беспощадно разоблачая ее шуточный вымысел. – Да и вообще смотришь ты неправильно! Завидев красивого мужчину благородного облика нужно закидать его взглядами, нельзя отводить глаза. Тут надо быть даже посмелее нас!

– Я обычно засматриваюсь на красивые цветы и растения, если увижу их на улице. Покупала сейчас лotosовые корoбочки, так мне самые красивенькие и чистенькие подавай! Но вот что странно – только завижу симпатичного человека, как не могу смотреть больше ни мгновения! – смеясь, ответила А-Нань.

– Ай-ай-ай, вот это у тебя язык подвешен! – дружно расхохотались девушки.

Одна из них, словно вспомнив что-то, произнесла:

– Раз уж мы заговорили о симпатичных мужчинах – ну какой же красавец только проскакал мимо! Мы его все вместе звали, а он даже не взглянул на нас – вот наглость!

– Ну и что, что наглый? Зато как же он хорош собой! Молодой, благородный, одет дорого, конь отборный. Сколь-

ко мы уже в Шуньтяньфу работаем, а разве часто приходилось видеть таких прекрасных юношей? – обмахиваясь веером усмехнулась другая девушка, одетая в желтое. – Ой, А-Нань, а ты сходи за ним, посмотри. Только боюсь, тогда тебе точно на других парней расхочется заглядываться!

– Неужто прям настолько хорош? – с любопытством спросила А-Нань, продолжая очищать семенную коробочку лотоса. – Куда он поехал?

– Вон туда, – несколько девушек одновременно указали в сторону хутуна Дуаньсун.

Чжу Юйхэн, все это время неподвижно стоявший за ветвями плакучих ив, спокойно слушая болтовню девушек, только сейчас словно проснулся – а не о нем ли они говорили? Тут он увидел, что А-Нань отряхнула платье, поднялась и пошла в его сторону. Почти инстинктивно Чжу Юйхэн повернулся кругом, увидел вход в кабачок и тут же нырнул туда.

В кабачке был шум и гам, отовсюду раздавались пьяные голоса, с криком угадывавшие количество пальцев, которое выкинет оппонент в застольной игре. Гомон стоял как на базаре в разгар торговли. Завидев Чжу Юйхэна, хозяйка тут же подбежала к нему и, поспешно отодвинув деревянную ширму с вырезанным узором из благовестных облаков и летучих мышей⁵¹, услужливо улыбнулась:

⁵¹ Летучая мышь по-китайски называется «бяньфу», чтение второго иероглифа «фу» идентично чтению иероглифа «счастье», поэтому в китайской культуре

– Молодой господин, прошу, для вас будет отдельная комната. Что желаете выпить? Один пришли, али встречаетесь с кем-то?

– Самого крепкого вина, – в ответ она получила лишь эти три слова.

Хозяйка тут же побежала хлопотать. Она лично подала вино юноше, и только закрыла за собой дверь в его уединенный уголок, как в кабачок вошла А-Нань. Девушка окинула помещение взглядом – зал был полон завсегдатаев из местных мужиков. А-Нань вскинула брови – ну и откуда тут взяться благородному красавцу?

– А-Нань, как может такая барышня постоянно околачиваться в этом кабачке? – улыбнулась стоявшая за прилавком хозяйка, подперев щеку рукой.

– Да скучно мне, куда еще податься, чтобы время скоротать, как ни к тебе? – А-Нань ткнула пальцем в табличку на прилавке, заказав себе чая с душистым османтусом и апельсином.

Девушка вновь просканировала кабачок глазами, а потом посмотрела на хозяйку и со смехом призналась:

– Честно говоря, меня подруги подстрекнули, сказали, тут вид хороший.

– Вам, молодым красавицам, как обычно, нечем заняться. – Хозяйка закатила глаза и принялась отточенными движениями заваривать чай.

Суетясь за прилавком, она сделала знак губами в сторону отделенного ширмой уголка, изобразив на лице многозначительную улыбку. Взяв чашку с горячим напитком в ладони, А-Нань как ни в чем не бывало приблизилась к ширме, на деревянных створках были вырезаны бегущие по небу облака и пять летучих мышей⁵². Сквозь прорези узора можно было рассмотреть сидевшего по ту сторону мужчину, облаченного в черную одежду. Вот только его лицо так некстати оказалось загорожено крупным облаком, даже краешком глаза не удалось разглядеть.

Слегка раздосадованная, А-Нань опустила глаза, и взгляд ее упал на руки мужчины. От чашки чая поднималось легкое благоухание османтуса и цитруса, вокруг стоял непрекращающийся шум, но все это отошло на задний план – девушка никак не могла отвести глаз, словно она оказалась во сне, где тело перестало ей подчиняться.

Руки мужчины были освещены солнечным светом, проникавшим в помещение с улицы, в его лучах они словно сияли изнутри. Стройные пальцы были чуть длинноваты, аккуратно подстриженные опрятные ногти слегка поблескивали, словно покрытые белой пудрой. Костяшки пальцев были узкими и почти незаметными, только проступавшие суставы выдавали силу, скрывавшуюся в этих руках.

⁵² «Пять летучих мышей» в китайском созвучно фразе «пять счастливых», это концепция из древнего трактата «Книга историй», подразумевающая долголетие, богатство, спокойствие духа, добродетель и мирную естественную смерть.

Когда мужчина разжимал ладонь, его пальцы выгибались изящной дугой, протягивавшейся от самых кончиков до тыльной стороны ладони – эта линия напоминала безграничные степи, раскидывавшие свои неторопливые, но непоколебимые волны к северу от Великой стены императора Ци Шихуанди. Когда мужчина сжимал ладонь в кулак, его пальцы сучивались, как пики гор, протянувшихся стройными очертаниями по правому берегу реки Янцзы в Цзяннани.

В этом попеременном сжатии и разжатии кулаков не чувствовалось и капли неуверенности или нервозности, напротив, каждое движение было уверенным, четким и быстрым, было полно непокорной силы. Пальцы мужчины сжимались и разжимались даже, пожалуй, слишком быстро, словно задавая некий гипнотический ритм, под влиянием которого у смотрящего создавалось ощущение, что владелец этих рук, безусловно, способен контролировать весь мир, разрешить любую, даже самую запутанную ситуацию, и никогда не потерпит неудачу.

Словно увидев чистейший цветок белого лотоса, распустившийся посередине болота, А-Нань долго стояла, окруженная гомоном кабака, с чашкой чая и семенной коробочкой лотоса в руках, пристально вглядываясь сквозь прорези в ширме в мужские руки по ту сторону, не в силах прийти в себя.

Мужчина был занят тем, что разбирал и собирал обратно какую-то вещь. Одной рукой он держал длинный по-

серебряный цилиндр, когда он приладил его, стало видно, что в передней части цилиндра располагалось отверстие, а в задней над корпусом слегка вздымалась зарядная камера. Рукоятка, соединявшая все части воедино, была обмотана оленьей кожей.

Простой человек, взглянув на эту штуку, ни за что бы не догадался, для чего она служит. Однако А-Нань при виде ее незаметно провела пальцами по браслету с драгоценными камнями на своем правом запястье. Только убедившись, что он на своем месте и в полной сохранности, девушка успокоилась, и уголки ее губ взметнулись вверх в легкой улыбке.

«Разборная ручница.

Мужчина с такими чарующими руками сидит в этом кабаке, обители всякого рода сомнительных личностей, разбирает и собирает ручницу, чтобы вновь разобрать на части. Насколько же ему должно быть скучно...

Нет, если приглядеться, то в его в целом очень спокойных движениях то и дело проскальзывала медлительность, как если бы пальцы его затвердевали от холода».

Этот человек не развеивал скуку, а пытался с помощью сборки и разборки ручницы, с помощью механических движений избавиться от внутреннего напряжения и сомнений.

У нее когда-то была такая же привычка.

Вот только А-Нань была одной из тех немногих, кто прекрасно разобрался в устройстве этой разборной ручницы. Ведь она была в числе ее создателей.

– Неужели за мной снова явились из мастерской Чжоцзяо? – ухмыльнулась А-Нань.

Затем, прикинув с какого угла обзор будет лучше, она отошла к лестнице и попыталась разглядеть лицо мужчины за ширмой сквозь прорези в задней части зала. Однако отсюда – сзади и сбоку – был лишь частично виден его профиль. Линия лица мужчины была отчетливой и даже резкой, а солнечный свет, просачивавшийся внутрь сквозь переплетение оконных ставен, освещал его сзади, окружал неземным сиянием. В таком освещении переходы света и тени на лице незнакомца делались особенно отчетливыми и от того он производил еще более сильное впечатление.

Хотя А-Нань так и не смогла рассмотреть черты лица мужчины, но про себя уже решила, что они явно не уступают его рукам. Подумав еще немного, она встрепенулась – красавицы из хутуна Яньчжи видели практически всех богатеньких сыновей знатных семей Шуньтяньфу, но такого внушающего трепет мужчину не каждый день встретишь.

Капля чая упала ей на тыльную сторону ладони. Приторный аромат османтуса смешался с апельсиновой свежестью, и на душе у нее резко стало тяжело.

В следующий миг А-Нань уже совершенно не хотелось знать, как выглядит этот незнакомец. Как бы то ни было, в ее сердце уже был другой человек, на которого она могла смотреть не отрываясь. Какой бы внешностью ни обладал вновь увиденный ею мужчина, она непременно принялась бы срав-

нивать его с обитателем своего сердца и непременно бы обнаружила, что именно ее избранник обладает чем-то особенным, что выгодно отличает его от прочих. Так было всегда, это неизменно.

Пусть даже она увидела бы всех мужчин мира, обладающих привлекательной наружностью, ну и что с того? В этом не было никакого смысла.

Так что А-Нань лишь молча усмехнулась, тихонько развернулась и уселась в уголке под лестницей. Прижав колени к груди, девушка принялась попивать чай, очищая от кожицы лotosовую коробочку.

Поднеся ей блюдо садовых бобов, хозяйка окинула взором комнату за ширмой и спросила:

– Увидела? Ну, что скажешь?

– Сойдет, – разомлев от горячего чая, лениво ответила А-Нань, облокотившись грудью на стол.

– Просто «сойдет»? – усмехнулась хозяйка, уперев руки в боки, словно собираясь что-то сказать.

Тут краем глаза она заметила, что в кабачок зашел знакомый гость, и женщина тут же кинулась встречать его:

– Второй братец Ли, сколько лет сколько зим! Чем занимался все это время, чай, разбогател?

– Катись к демонам! Разбогател – ха! В третьем месяце устроился огневщиком в управление Учэн, а в прошлом месяце меня отправили на тушение пожара во дворце – я чуть там же и не отправился к праотцам!

Второй братец Ли был мужчиной средних лет. Не прекращая браниться, он сдернул с головы сетку для волос, выставляя на всеобщее обозрение выгоревшую проплешину и громко стеля, как он чуть жизни не лишился, чудом избежал неминуемой гибели – ну разве не повод это угостить его выпивкой? Его знакомые собутыльники тут же наперебой принялись кричать хозяйке, чтобы та поскорее подала спиртное – ведь только так получится избавить братца Ли от всех его горестей и злключений.

Второй братец Ли опрокинул в себя водку, как-будто это была вода. Отставив пиалу, он оскалил зубы и со смехом произнес:

– Не повезло, уж как не повезло! Но и нельзя сказать, чтоб совсем не вмоготу было. А ну, угадайте, под чьим руководством я пожар тушил? Его Высочества наследного внука императора!

Только в воздухе пронеслись слова «наследный внук императора», как все посетители кабачка вмиг воспрянули духом и обрушились на вновь пришедшего с расспросами.

– Братец Ли, да как же это тебе так повезло?

– Мне годков уже о-го-го, а я даже чиновника 7-го класса ни разу в жизни своими глазами не видел!

– Вот те на! – воскликнул кто-то. – Пожар бушевал будь здоров, а наследный внук императора тоже был там?

– Был! Но не просто стоял поодаль, а руководил нами при тушении огня у самого дворца. Нас там всех впопыхах со-

брали, мы впервые оказались в таком месте, как тут не испугаться? Не скрою, я сам как увидел такой большой дворец, да еще охваченный пламенем, – ноги так и подкосились! Но наследный внук императора только встал перед нами, взглянул на нас, мы все – больше ста мужиков! – тут же успокоились. Он четко отдавал приказы нескольким отрядам, стоя прямо перед огненным морем – вы бы видели! За таким человеком хочется идти.

– А как он выглядит, наследный внук-то? Расскажи-ка нам!

– Ой, его внешность прямо-таки уникальная! Я увидел только его фигуру – крепкий, величественный, прирожденный правитель. Когда он там в огне стоял – батюшки! – точно волшебный посох Сунь Укуна, контролирующий моря, глаза так и сверкают, освещают блеском все вокруг...

Услыхав это, собравшиеся почувствовали неладное и запротестовали:

– Хватит чушь молоть, говори правду!

Второй братец Ли тоже рассмеялся:

– По правде сказать, дыму и пепла в том пожаре было – глаза невозможно разлепить. Ну как я должен был рассмотреть его? Кое-как рассмотрел, что на лестнице стоял человек, на голову выше всех вокруг, ни слова не говорил, а вид грозный, похож на... Ну да у меня язык кривой, слов не подберу. Короче говоря – незаурядная личность!

– Дядюшка Ли, ты увидел какого-то высокопоставленного

чиновника и уже поплыл. Хорошо еще, что это был только наследный внук, а если бы сам император явился? Ты бы от одного взгляда на него небось уже вознесся на небеса! – не выдержав, рассмеялась А-Нань, тихонько чистившая бобы в сторонке.

Второй братец Ли почесал голову и рассмеялся вместе со всеми собравшимися.

Тут подал голос старик-сючай⁵³, облаченный в потрепанное даосское одеяние. Погладив бородку, он сказал:

– Как жаль-то! Слыхал, что императорский внук заболел во время тушения пожара, должно быть, надышался горячего воздуха. Уж не знаю, поправился ли он?

– Конечно, уже давно поправился, – вставил кто-то. – Разве царствующий император не провозгласил, что его внук – «сын Неба, который принесет великое спокойствие»?⁵⁴ Значит, он – будущий император, который принесет мир и процветание стране, конечно, он должен быть здоров и крепок!

Перебивая разразившийся смех, педантичный старик самодовольно добавил:

– Неужели вы думали, что его просто так называли «достойным внуком императора»? Так могли сказать только о том, кто одинаково хорош в литературе, науках и боевых ис-

⁵³ Сючай – одна из ученых степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при династии Мин.

⁵⁴ Еще не официальное объявление наследника, но вполне прозрачный намек на то, что император видит внука своим преемником.

кусствах, кто сметлив и изобретателен, кто способен повести за собой всю Поднебесную! Его Величество император глубоко разбирается в решении гражданских вопросов и выстраивании военной стратегии, наследник престола великодушен, предан народу и следует пути предков, так еще и наследный внук императора – истинный будущий правитель, ниспосланный Небесами. Для правящей династии настал золотой век, а для народа – век процветания и нескончаемого благополучия!

– Сючай Лю, вы вот так красиво, так складно говорите! Только как же так – борода у вас уже посеребрилась, а экзамен на первую ученую степень так и не сдали? – не сдержавшись, спросила хозяйка, суетясь у очага.

Ее слова вызвали очередную волну оживленного смеха. Атмосфера сделалась еще более веселой, и посетители принялись вспоминать, что когда наследный внук нынешнего императора появился на свет, Его Величеству приснился сон. Во сне ему явился Великий предок, он пожаловал новорожденному внуку правителя нефритовую табличку и провозгласил: «Коли страну унаследует внук, да будет она благоденствовать вечно!»

Когда Его Величество пробудился ото сна, покои дворца наполнились плачем новорожденного мальчика. Спустя три года император взошел на трон, а малолетний Его Высочество наследный внук не подвел ожиданий деда – весь дворец хвалил его успехи, все чиновники называли его «достойным

внуком правителя». В 13 лет мальчику был пожалован титул наследного внука императора, с 14 он занимался государственными делами вместо отца, а в 15 отправился вместе с Его Величеством в Северный поход, где на собственном опыте вкусил тяготы войны и получил боевой опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.